

~ Х А - Д Ж У Н Ч А Н Г ~

КАК УСТРОЕНА ЭКОНОМИКА

Жизнь, Вселенная
и все остальное:
что такое экономика

Сколько
вам
надо?
Объем
производства,
доход
и счастье

ОТ БУЛАВКИ ДО PIN-КОДА:

«ВСЕ,
ЧТО МОЖНО
ПОЖЕЛАТЬ»:

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
МАСШТАБ

КАК РАСТЕТ ВАШ САД?
Мир производства

Действующие
лица:
кто
такие
субъекты
экономической
деятельности?

БЕДА В БАНКЕ

FIDELITY
FIDUCIARY:

финансы

Как мы здесь оказались?

К Р А Т К А Я   И С Т О Р И Я   К А П И Т А Л И З М А

Ха-Джун Чанг

Как устроена экономика

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9361857

Как устроена экономика / Ха-Джун Чанг: Манн, Иванов и Фербер;

Москва; 2018

ISBN 9785001170693

Аннотация

В этой книге экономист из Кембриджа Ха-Джун Чанг в занимательной и доступной форме объясняет, как на самом деле работает мировая экономика. Автор предлагает читателю идеи, которых не найдешь в учебниках по экономике, и делает это с глубоким знанием истории, остроумием и легким пренебрежением к традиционным экономическим концепциям.

Книга будет полезной для тех, кто интересуется экономикой и хочет лучше понимать, как устроен мир.

На русском языке публикуется впервые.

Содержание

Пролог. Зачем нужно разбираться в экономике	5
Интерлюдия I. Как читать эту книгу	12
Часть I. Знакомство	13
Глава 1. Жизнь, Вселенная и все остальное: что такое экономика	13
Глава 2. От булавки до PIN-кода: капитализм 1776-го и 2014 годов	29
Глава 3. Как мы здесь оказались? Краткая история капитализма	48
Глава 4. Пусть расцветают сто цветов: как «делать» экономику	134
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Ха-Джун Чанг

Как устроена экономика

Научный редактор Эльвира Кондукова

Издано с разрешения Ha-Jon Chang c/o Mulcahy Conway Assocs Ltd. и литературного агентства Andrew Nurnberg

Все права защищены. Никакая часть настоящего издания ни в каких целях не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, если на это нет письменного разрешения издателя.

© Ha-Joon Chang, 2014

© Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2018

* * *

Посвящается моим родителям

Пролог. Зачем нужно разбираться в экономике

Почему люди не очень-то интересуются экономической теорией

Раз уж эта книга оказалась в ваших руках, вероятно, вам хоть немного интересна ее тема. Вероятно, вы даже испытываете некоторое предвкушение. Ведь, по всеобщему представлению, экономика – это сложно. Пусть это не настолько головомолная дисциплина, как физика, но для ее понимания все равно требуется прикладывать усилия. Некоторые из вас, наверное, помнят выступления экономистов по радио: их высказывания, вероятно, не внушали вам доверия, хоть вы и принимали их на веру. В конце концов, они профессионалы, а вы не прочитали ни одной книги на эту тему.

Неужели экономическая теория в самом деле настолько сложна? Нет, конечно, если объяснить ее просто и доступно. В своей предыдущей книге «23 тайны. То, что вам не расскажут про капитализм»¹ я даже рискнул высказать идею, что 95 процентов экономической теории – это всего лишь здра-

---

¹ Чхан Ха Джун. 23 тайны. То, что вам не расскажут про капитализм. М.: АСТ, 2014.

вый смысл, которому придали сложный вид с помощью специальной терминологии и математики.

Экономика не единственная область, которая неспециалистам кажется более запутанной, чем есть на самом деле. В любой профессии, требующей определенной профильной подготовки, будь то экономика, сантехника или медицина, профессиональный язык, облегчающий общение между специалистами, затрудняет понимание предмета для людей посторонних. Если честно, у всех технических дисциплин имеется повод представляться более сложными, чем есть на самом деле: ведь это оправдывает высокие гонорары, которые специалисты берут за свои услуги.

Даже с учетом всего сказанного экономическая теория однозначно добилась больших успехов в стремлении не допустить широкую общественность на свою территорию. Несмотря на отсутствие соответствующих знаний, люди склонны высказывать твердое мнение по самым разнообразным вопросам: изменение климата, однополые браки, война в Ираке и атомные электростанции. Но когда дело касается экономики, многие не демонстрируют даже интереса, не говоря уже о наличии собственной точки зрения. Попробуйте-ка вспомнить, когда вы в последний раз обсуждали будущее евро, имущественное расслоение в Китае или перспективы обрабатывающей промышленности в США? А ведь эти вопросы могут иметь огромное влияние непосредственно на вас, где бы вы ни жили. Вполне вероятно, они позитивно или

негативно отразятся на перспективах трудоустройства, зарплате и даже на вашей пенсии, но вы, скорее всего, не задумывались об этом всерьез.

Такое странное положение вещей лишь частично объясняется тем, что экономические темы не затрагивают наших чувств, в отличие от тем любви, места жительства, смерти и войны. Оно сложилось потому, что люди поверили – особенно в последние несколько десятилетий, – будто экономика такая же наука, как физика или химия, и в ней на все вопросы есть только один правильный ответ. Поэтому специалисты должны просто принять на веру мнение профессионалов и перестать забивать себе голову слишком сложными вопросами. Грегори Мэнкью, профессор экономики Гарвардского университета и автор одного из самых популярных учебников по этой дисциплине, говорит: «Экономистам нравится представлять в качестве ученых. Я сам часто так поступаю. Читая лекции старшекурсникам, я совершенно сознательно представляю экономику как науку, так что ни один студент не начинает изучение этого курса с мыслью о том, что он приступает к постижению какой-то эфемерной дисциплины»².

Читая книгу, вы поймете, что экономическая теория никогда не станет наукой в том смысле, какой мы подразумеваем, говоря о физике или химии. Существует множество

---

² Это первые предложения его статьи *The macroeconomist as scientist and engineer*, *Journal of Economic Perspectives*, vol. 20, no. 4 (2006).

различных школ экономической теории, каждая из которых подчеркивает различные аспекты сложной реальности, высказывая различные этические и политические оценочные суждения и делая на их основе те или иные выводы. Кроме того, ни одна из школ экономической теории еще ни разу не сумела предсказать реальное развитие событий даже в тех областях, на которые ориентирована, не в последнюю очередь потому, что у людей есть собственные желания – в отличие от молекул или физических объектов³.

А раз в экономике не существует единственного правильного ответа, следовательно, нельзя отдать ее на откуп одним только специалистам. Таким образом, каждый ответственный гражданин должен хоть что-нибудь знать об экономике. Говоря это, я не имею в виду, что вам нужно взять толстый учебник и ознакомиться с какой-нибудь одной точкой зрения на эту дисциплину. Я говорю о необходимости изучить различные типы экономических суждений и развить в себе критическое мышление и способность понимать, какой именно подход будет наиболее разумным в данных экономических обстоятельствах, в свете определенных моральных ценностей и политических целей (обратите внимание, я не говорю о правильности какого-либо суждения). Для решения подобной задачи требуется учебное пособие, которое

---

³ Подобная точка зрения высказывается в статье Нобелевского лауреата в области экономики 2013 года Роберта Шиллера «Действительно ли экономика – это наука?» (Robert Shiller 'Is economics a science?'): <http://www.theguardian.com/business/economics-blog/2013/nov/06/is-economics-a-science-robert-shiller>.

рассматривало бы экономическую теорию так, как этого еще никто не делал, — и, я надеюсь, вы держите в руках именно такую книгу.

Чем особенна эта книга

Чем эта книга не похожа на другие подобные?

Одно из отличий — я воспринимаю своих читателей всерьез. И это не шутка. Вы не найдете здесь сжатого пересказа сложных извечных истин. Я познакомлю вас с различными способами анализа экономики в надежде, что вы сами сумеете оценить возможности разных подходов. Я не отказываюсь от обсуждения основополагающих методологических вопросов экономической теории, например, таких как: допустимо ли считать данную дисциплину наукой или какую роль играют в ней (и должны играть) моральные ценности. Я стараюсь представить гипотезы, лежащие в основе различных экономических концепций, чтобы читатели сложили собственное мнение об их реалистичности и правдоподобности. Я также рассказываю, как определяются и связываются количественные показатели в экономике, призывая читателей не забывать, что их нельзя воспринимать как нечто, не поддающееся изменению, скажем, как вес слона или температуру воды в кастрюле⁴. Короче говоря, я пытаюсь объяснить, *как думать*,

---

⁴ Впрочем, ученые сказали бы вам, что даже эти цифры нельзя считать полностью объективными.

а не *что* думать.

Несмотря на то что книга вовлекает читателей в очень глубокий анализ, это не значит, что она сложна для восприятия. В ней нет ничего такого, что человек со средним образованием не сумел бы понять. Все, о чем я прошу, – проявить любопытство, чтобы узнать, что происходит на самом деле, а также немного терпения.

Еще одно важное отличие моей книги от других учебников по экономике состоит в том, что в ней содержится много информации о реальном мире. И я говорю о «мире» абсолютно серьезно. В книге много информации о разных странах. Это не значит, что всем государствам земного шара я уделил равное внимание. Но, в отличие от большинства других книг по экономике, в моей – сведения не ограничиваются одной или двумя странами или одной категорией (скажем, только богатыми или бедными государствами). Большая часть данных будет представлена в числовом виде: насколько велика мировая экономика; какой вклад в нее вносят США или Бразилия; какая часть выпускаемых продуктов приходится на Китай или Демократическую Республику Конго; сколько человек работает в Греции или Германии. Но все эти цифры дополнены качественной информацией об институциональных механизмах, исторических предпосылках, типовых стратегиях и многом другом. Хочется верить, что, прочитав книгу, читатель сможет сказать, что теперь он имеет некоторое представление о том, как работает эконо-

мика в реальном мире.

А сейчас нечто совершенно иное...⁵

---

⁵ Популярная цитата из комедийного сериала «Летающий цирк Монти Пайтона». *Прим. пер.*

Интерлюдия I. Как читать эту книгу

Разумеется, не все готовы потратить на чтение этой книги много времени, по крайней мере на первых порах. Поэтому я предлагаю несколько способов освоения материала в зависимости от того, сколько времени, по вашему мнению, вы можете на это выделить.

Если у вас есть десять минут, прочитайте названия глав и первую страницу каждой. Если мне повезет, по прошествии этих десяти минут вы вдруг поймете, что у вас в запасе есть пара часов.

Если у вас есть пара часов, прочитайте [главу 1](#) и [главу 2](#), а затем [эпилог](#). Все остальное просто пролистайте.

Если у вас есть полдня, обратите внимание только на названия разделов и резюме, которые встречаются через каждые пару абзацев. Если вы быстро читаете, то успеете ознакомиться со вступительными и заключительными частями всех глав.

Если у вас достаточно времени и терпения, чтобы полностью прочитать книгу, пожалуйста, так и сделайте. Это наилучший способ. Я буду очень счастлив. Но даже в таком случае вы можете пропускать разделы, которые вам не очень интересны, читая только их заголовки.

Часть I. Знакомство

Глава 1. Жизнь, Вселенная и все остальное: что такое экономика

Что такое экономика

Читатель, незнакомый с предметом, может подумать, что это наука об экономической деятельности. В конце концов, химия изучает химические вещества, биология – живые организмы, а социология – общество, значит, экономика должна изучать экономическую деятельность. Однако в некоторых из самых популярных современных книг утверждается, что экономика – нечто гораздо большее. В них говорится, что экономика касается самого важного вопроса – «жизни, Вселенной и всего остального» (как это называлось в культовом юмористическом научно-фантастическом романе Дугласа Адамса «Автостопом по Галактике»⁶, по которому в 2005 году был снят фильм с Мартином Фрименом в главной роли). По словам Тима Харфорда, журналиста Financial Times и автора успешной книги «Экономист под прикрыти-

---

⁶ Адамс Д. Автостопом по Галактике. М.: АСТ, 2002.

ем», экономика изучает жизнь; свой второй труд он назвал «Логика жизни»⁷.

Еще никто из экономистов не утверждал, что экономика может объяснить Вселенную. На данный момент ее устройство остается сферой интереса физиков – и именно в этих ученых экономисты видели образец для подражания в своем стремлении сделать экономику истинной наукой⁸. Некоторые даже приблизились к этому: они утверждают, что их наука исследует «мир». Вот как, например, звучит подзаголовок второго тома популярной серии Роберта Франка *Economic Naturalist* («Экономический натуралист»): «Как экономика помогает понять мир».

Во всех этих книгах присутствует упоминание «всего». Подзаголовок «Логика жизни» – «Экономика обо всем на свете». Согласно подзаголовку, «Фрикономика»⁹ Стивена Левитта и Стивена Дабнера – возможно, самая известная книга об экономике нашего времени – это исследование «скрытой стороны всего на свете»¹⁰. Роберт Франк согласен с этим мнением, хоть он гораздо скромнее в своих заявлениях.

---

⁷ Харфорд Т. Экономист под прикрытием. СПб.: BestBusinessBooks, 2009; Харфорд Т. Логика жизни, или Экономика обо всем на свете. СПб.: BestBusinessBooks, 2011.

⁸ Этот феномен называется «зависть к физике».

⁹ Левитт С., Дабнер С. Фрикономика. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2011.

¹⁰ В первом издании книги на русском языке подзаголовок звучал так: «Мнение экономиста-диссидента о неожиданных связях между событиями и явлениями». Прим. ред.

ях. В подзаголовке первой книги из серии «Экономический натуралист» он пишет только «Почему экономика объясняет почти все». Вот так-то! Экономика (почти всегда) касается жизни, Вселенной и всего остального¹¹.

Если вы задумаетесь об этом, то поймете, что к экономике выдвигается одно требование, которое она не удовлетворяет, несмотря на то что, по мнению большинства неэкономистов, в этом как раз и заключается ее основная работа, – обосновать экономическую деятельность. В преддверии финансового кризиса 2008 года большинство экономистов убеждали общество, что рынки редко ошибаются и что современная экономика сумела найти решение тех немногих проблем, которые могут возникнуть. Роберт Лукас, обладатель Нобелевской премии по экономике 1995 года¹², в 2003 году заявил, что «проблема предотвращения депрессии решена»¹³. Таким образом, мировой финансовый кризис 2008 го-

---

¹¹ Кстати говоря, это должно существенно упростить работу экономистов, потому что мы уже знаем ответ на самый важный вопрос – № 42. Но пока оставим данную тему в стороне.

¹² Нобелевская премия в области экономики не является наследием Нобеля. В отличие от первоначальных премий в области физики, химии, физиологии, медицины, литературы, а также за содействие в установлении мира, учрежденных непосредственно шведским промышленником Альфредом Нобелем в конце XIX века, премия по экономике была учреждена Шведским государственным банком в 1968 году, поэтому официально называется Премией Шведского государственного банка по экономическим наукам имени Альфреда Нобеля.

¹³ R. Lucas, 'Macroeconomic priorities', *American Economic Review*, vol. 93, no. 1 (2003). Это заявление прозвучало в его выступлении на собрании Американской

да застал большинство экономистов врасплох¹⁴. Кроме того, они так и не сумели придумать достойное решение для избавления от затянувшихся последствий кризиса.

С учетом всего этого можно подумать, что экономическая теория страдает от мании величия – разве способна наука, которая не в состоянии разобраться даже в собственной сфере применения, заявлять, что она объясняет все или почти все?

Экономическая теория – это наука о рациональном выборе человека...

Вы можете подумать, что я несправедлив. Разве все эти книги не создаются для массового рынка, где ведется жесткая борьба за читателей, и, следовательно, разве издатели и авторы не склонны к известному преувеличению? И конечно, вы можете думать, что уж в серьезных академических обсуждениях точно не должны звучать громкие заявления о том, что данная дисциплина касается «всего».

Эти названия *действительно* несколько преувеличивают реальную ситуацию – но в определенных рамках. На самом

экономической ассоциации.

¹⁴ Наверное, это не удивило бы покойного Джона Гэлбрейта (1908–2006), который в свое время невозмутимо заявил, что «единственная функция экономического прогноза состоит в том, чтобы астрология выглядела более респектабельной».

деле преувеличения могут затрагивать вопрос о том, «как экономическая теория объясняет все, касающееся экономики», но не «как экономическая теория может объяснить вообще все».

Преувеличения такого рода возникли из-за способа, которым главенствующая в настоящее время школа экономической теории, так называемая неоклассическая школа, определяет изучаемую дисциплину. Стандартное неоклассическое определение экономикс, вариации которого используются до сих пор, было дано в 1932 году в книге Лайонела Роббинса «Эссе о природе и значении экономической науки»¹⁵. В своей работе Роббинс определяет экономикс как «науку, которая изучает поведение человека с точки зрения отношений между его целями и ограниченными средствами, допускающими альтернативное использование».

С этой точки зрения экономика больше характеризуется своим теоретическим подходом, а не предметом исследования. Она представляет собой науку о *рациональном выборе*, то есть о выборе, сделанном на основе целенаправленного систематического расчета максимально возможных результатов при условии использования неизбежно скудных средств. Предметом расчета бывает все что угодно: брак,

---

¹⁵ Лайонел Роббинс (1898–1984) – английский экономист. С 1925-го по 1961 год преподавал в Лондонской школе экономики. За заслуги перед университетской системой образования Великобритании в 1959 году ему был присужден титул пожизненного пэра. На русском языке публиковалась первая глава книги (THESIS. 1993. Вып. 1. С. 10–23). *Прим. пер.*

рождение детей, преступления или наркомания (как однажды написал Гэри Беккер, известный чикагский экономист и обладатель Нобелевской премии по экономике 1992 года), — а не только «экономические» вопросы, которыми неэкономисты могут считать рабочие места, деньги или международную торговлю. Назвав свою книгу *The Economic Approach to Human Behaviour* («Экономический подход к человеческому поведению»), опубликованную в 1976 году, Беккер тем самым без лишней шумихи объявил, что экономика *действительно* касается всего.

Эта тенденция применения так называемого экономического подхода ко всему, названная критиками «экономическим империализмом», в последнее время достигла апогея в таких книгах, как «Фрикономика». Лишь небольшая часть этой работы на самом деле посвящена экономическим вопросам в том виде, в каком их представляет большинство людей. В ней рассказывается о японских борцах сумо, американских школьных учителях, чикагских бандах наркоторговцев, участниках телевикторин «Слабое звено», о риелторах и ку-клукс-клане. Большинство считает (и авторы признают это), что никто из перечисленных людей, за исключением риелторов и наркоторговцев, не имеет ничего общего с экономикой. Но сегодня, с точки зрения большинства экономистов, ситуации, когда японские борцы сумо устраивают стговор, чтобы помочь друг другу, или американские учителя исправляют оценки своих учеников, чтобы получить для се-

бя лучшее назначение, пожалуй, представляют собой такие же экономические проблемы, как и вопросы, должна ли Греция оставаться в еврозоне, или как происходит борьба между компаниями Samsung и Apple на рынке смартфонов, или как можно сократить безработицу молодежи в Испании (которая на момент написания книги превышала 55 процентов). Для экономистов подобного рода «экономические» вопросы не обладают привилегированным статусом в экономике, это всего лишь некоторые из многих вещей (о да, я забыл, некоторые из всех), которые способна объяснить экономическая теория, поскольку приверженцы неоклассической школы определяют свой предмет с точки зрения теоретического подхода к изучению, а не его сути.

...или Действительно ли экономическая теория – это наука об экономической деятельности?

Очевидное альтернативное определение экономики, о котором я уже упоминал, – это то, что это наука об экономической деятельности. Но что такое экономическая деятельность?

Экономическая деятельность связана с деньгами, но так ли это?

Интуитивно понятным ответом большинству читателей

может показаться утверждение, что экономическая деятельность в любом случае связана с деньгами – с их отсутствием, зарабатыванием, тратой, расходом, сбережением, заимствованием и возвратом. Это не совсем верное рассуждение, хоть оно и служит хорошей отправной точкой для размышлений об экономической деятельности – и экономике.

Сейчас, утверждая, что экономическая деятельность связана с деньгами, мы на самом деле не имеем в виду настоящие деньги. Деньги, будь то банкноты, золотые монеты или огромные, практически неподвижные камни, которыми пользовались очень давно на некоторых островах Тихого океана, – это просто символ. **Деньги** – символ того, что другие представители общества что-то должны вам отдать, или символ ваших претензий на определенные объемы ресурсов общества¹⁶.

Вопрос о том, как деньги и прочие финансовые требования (такие как акции компании, производные финансовые инструменты и многие сложные финансовые продукты, о которых я подробнее расскажу в следующих главах) создаются, продаются и покупаются, представляет собой одну огромную область экономической науки, называемую финансовой экономикой. В современном мире, с учетом доминирования финансовой индустрии во многих странах, люди зачастую воспринимают финансовую экономику и экономику вообще

---

¹⁶ В книге Феликса Мартина *Money: The Unauthorised Biography* (London: The Bodley Head, 2013) представлено великолепное объяснение этой теории.

как нечто эквивалентное, на самом же деле первая лишь малая часть второй.

Деньги – или претензии, которые вы предъявляете на какие-то ресурсы, – производятся различными способами. И многие области экономики касаются (или должны касаться) этого.

Работа – самый распространенный способ получения денег

Самый распространенный способ получить деньги, если вы не родились богатым, – работать (включая работу на себя самого). Так что многие области экономики связаны с **работой**. На этот счет существуют различные точки зрения.

Работу можно рассматривать с позиции отдельного работника. Найдете ли вы ее и сколько денег будете за нее получать, зависит от того, какими умениями вы обладаете и есть ли на них спрос. Вам могут платить очень высокую зарплату, если у вас есть чрезвычайно редкие навыки, такие, например, как у футболиста Криштиану Роналду. Вы можете потерять работу (и даже навсегда), если кто-нибудь изобретет машину, способную делать то же, что и вы, в сто раз быстрее – как случилось с мистером Бакетом, отцом Чарли, который накручивал крышечки на тюбики с зубной пастой, в экранизации повести Рональда Даля «Чарли и шоколадная фабрика»¹⁷. Вероятно, вы должны будете согласиться на бо-

---

¹⁷ Согласно оригинальному сюжету повести, мистер Бакет потерял работу по-

лее низкую заработную плату или худшие условия труда, если ваша компания начнет терять деньги из-за дешевого импорта, скажем, из Китая. И далее в таком духе. Таким образом, чтобы понять, что такое работа даже с точки зрения одного человека, мы должны обладать знаниями о навыках, технологических инновациях и международной торговле.

Заработная плата и условия труда очень зависимы от «политических» решений об изменении самих границ и характеристик рынка труда (я заключил слово «политические» в кавычки, поскольку разница между экономикой и политикой весьма условна, но мы вернемся к этой теме позднее, в [главе 11](#)). Вступление стран Восточной Европы в Европейский союз очень сильно повлияло на зарплату и поведение рабочих из стран Западной Европы, поскольку на рынке труда внезапно появилось большое число новых работников. Ограничения по применению детского труда в конце XIX – начале XX веков произвели противоположный эффект: произошло сжатие рынка труда, поскольку внезапно большая часть потенциальных работников была изъята с рынка. Положения о продолжительности рабочего дня, условиях труда и минимальной заработной плате служат примерами «политических» решений, имеющих не столь радикальные последствия.

тому, что его фабрика разорилась, а не потому, что ее хозяин купил машину, которая заменила человека.

В экономике происходит множество трансфертов ¹⁸

Помимо работы, вы можете получать деньги с помощью **трансфертов**, то есть просто получать их от кого-то. Такие перечисления делают в виде финансовых средств или «натур-ры», то есть прямого предоставления продуктов (например, еды) или услуг (например, начального образования). Независимо от формы, денежной или натуральной, трансферты можно производить несколькими способами. К ним относятся: родительская поддержка детей, забота о пожилых родственниках и подарки от членов местного сообщества, скажем, на свадьбу вашей дочери. Некоторые перечисления осуществляются «людьми, которых вы знаете».

Существуют также благотворительные пожертвования – добровольные перечисления денег незнакомцам. Люди, иногда по отдельности, иногда коллективно (например, через корпорации или общественные организации), жертвуют средства, помогая другим.

С количественной точки зрения благотворительные взносы многократно затмеваются перечислениями по линии правительства, которое облагает налогами одних людей для субсидирования других. Поэтому многие области экономики, естественно, посвящены этим вопросам – или сферам, называемым экономикой государственного сектора.

Даже в очень бедных странах существуют государствен-

---

¹⁸ Как экономическое понятие означает перевод, перечисление денежных средств. *Прим. ред.*

ные программы, разработанные ради обеспечения деньгами или продуктами (например, бесплатным зерном) людей, находящихся в сложной финансовой ситуации: пожилых, инвалидов, бездомных, голодающих. Однако более развитые общества, особенно в Европе, разработали системы и схемы трансфертов всеобъемлющего характера и гораздо более щедрые. Такие системы называют *социальными государствами*; в их основе лежит *прогрессивное налогообложение* (те, кто больше зарабатывает, платит больше налогов – пропорционально своим доходам) и *универсальная система пособий* (по которой все граждане страны, а не только инвалиды или самые бедные жители имеют право на получение прожиточного минимума и основных видов обслуживания, например бесплатного здравоохранения и образования).

Заработанные или перечисленные ресурсы расходуются на потребление

Получив благодаря работе или переводам доступ к ресурсам, мы начинаем их расходовать. Поскольку мы физические организмы, то нам необходимо некоторое минимальное количество еды, одежда, тепло, жилье и прочие **товары** для удовлетворения основных потребностей. Далее мы потребляем другие продукты, соответствующие нашим более «высоким» духовным желаниям: приобретаем книги, музыкальные инструменты, тренажеры, телевизоры, компьютеры и тому подобные вещи. Мы также покупаем и потребляем **услу-**

ги, такие как поездка на автобусе, стрижка, ужин в ресторане или даже отпуск за границей¹⁹.

Итак, большая часть экономической науки посвящена изучению вопросов **потребления**: как люди распределяют деньги между различными типами продуктов и услуг, как они делают выбор между конкурирующими сортами одного и того же продукта, как ими манипулирует и/или их информирует реклама, каким образом компании тратят средства на создание «имиджа своего бренда» и тому подобные.

И наконец, продукты и услуги нужно производить

Для того чтобы использовать продукты и услуги, сначала их нужно произвести: продукты – на фермах и фабриках, услуги – в офисах и мастерских. Это царство **производства** – той области экономики, которой пренебрегают с тех пор, как в 1960-х доминирующую позицию заняла неоклассическая школа, уделяющая особое внимание обмену и потреблению.

В традиционных учебниках по экономике производство выступает в роли «черного ящика», в котором каким-то образом какое-то количество **труда** (работы, выполняемой человеком) и **капитала** (машин и инструментов) объединяются, для того чтобы произвести продукты и услуги. Мало

---

¹⁹ Многие из этих услуг включают потребление материальных вещей, например еда в ресторане; но при этом мы приобретаем и услуги по приготовлению пищи и обслуживанию.

кто признает, что производство представляет собой нечто намного большее, чем просто комбинацию неких абстрактных частиц, называемых трудом и капиталом, и оно требует правильного управления большим количеством рутинных дел. Структура завода, методы управления работниками или профсоюзами, систематическое усовершенствование используемых технологий с помощью научных исследований – все это большинство читателей обычно не связывают с экономикой, несмотря на огромное значение данных аспектов для экономической деятельности.

Большинство экономистов с радостью оставят изучение этих вопросов «другим» – инженерам и управляющим компаниями. Но, если подумать, производство – это безусловное основание любой экономической деятельности. Действительно, изменения в сфере производства, как правило, оказываются наиболее мощными источниками социальных преобразований. Современный мир был создан в результате серии изменений в технологиях и системах, относящихся к сфере производства, которые произошли со времен промышленной революции. Экономисты и все остальные, чьи взгляды на экономику попали под влияние неоклассической школы, должны уделять намного больше внимания производству, чем уделяют сейчас.

Выводы: экономика как наука об экономической деятельности

По моему мнению, экономике следует давать определение не с точки зрения ее методологии или теоретического подхода, а с точки зрения ее сути. Ее предметом должна быть экономическая деятельность, которая включает в себя деньги, работу, технологии, международную торговлю, налоги и другие аспекты, осуществляемые способами, которыми мы производим продукты и услуги, распределяем полученные доходы и потребляем материальные блага, добытые таким образом, а не «жизнь, Вселенная и все остальное» (или «почти все остальное»), как считают многие экономисты. Подобное определение экономики выделяет эту книгу на фоне большинства других учебных пособий.

Определяя экономику с точки зрения методологии, большинство авторов предполагают, что существует только один правильный способ «делать экономику» – таков неоклассический подход. Худшие из них даже не сообщают вам, что есть и другие школы, помимо вышеупомянутой.

Определяя экономику как науку с точки зрения ее сути, эта книга подчеркивает тот факт, что есть множество различных подходов к экономике, каждый из которых имеет свои акценты, «слепые пятна», сильные и слабые стороны. В конце концов, мы хотим получить от экономической тео-

рии лучшее из возможных объяснений различных экономических явлений, а не постоянное «доказательство» того, что определенная экономическая концепция может объяснить не только экономику, но и все остальное.

Глава 2. От булавки до PIN-кода: капитализм 1776-го и 2014 годов

От булавки до PIN-кода

Какая вещь первой заслужила упоминания в экономической теории? Золото? Земля? Банковская деятельность? Международная торговля?

Нет. Булавка.

Да-да, та маленькая металлическая штуковина, которой большинство из вас не *пользуются*, – конечно, если вы не закалываете ею длинные волосы или не шьете самостоятельно одежду.

Именно производству булавок была посвящена вводная глава книги, которую обычно (хоть и ошибочно)²⁰ считают первой книгой по экономике, – «Исследование о природе и причинах богатства народов» Адама Смита²¹ (1723–1790).

Начиная с первых страниц, Смит утверждает, что основной источник увеличения богатства заключается в повыше-

---

²⁰ До Смита были другие экономисты, например экономические умы эпохи Возрождения Италии, физиократы Франции и меркантилисты; о некоторых из них рассказывается в [главе 4](#).

²¹ *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Наука, 1993.

нии производительности за счет большего *разделения труда*, то есть разбиения производственного процесса на мелкие специализированные операции. По его мнению, этот подход повышает производительность тремя способами. Во-первых, постоянно выполняя одну или две задачи, работники быстрее станут мастерами в том, что они делают («навык мастера ставит»). Во-вторых, за счет специализации им не придется тратить время, чтобы физически или умственно переключиться на другую задачу (сокращение «издержек переходного времени»). И последнее, но не менее важное, детальная разбивка процесса облегчает внедрение машин на каждом этапе, после чего он может выполняться со сверхчеловеческой скоростью (механизация).

Чтобы проиллюстрировать свое мнение, Смит приводит пример, как при разделении процесса производства булавок и делегировании каждому работнику одной или двух операций десять человек могут произвести 48 тысяч булавок в день (или по 4800 штук на каждого). Сравните этот результат с двадцатью булавками, которые, по утверждению Смита, производит один работник за день, если выполняет все действия самостоятельно.

Смит назвал производство булавок «пустяковым» примером и позже продолжил размышление о том, каким может быть более сложное разделение труда для других продуктов. Но, без сомнения, он жил в то время, когда тот факт, что над производством булавок работают десять человек, еще счи-

тался чем-то невероятным.

В течение следующих двух с половиной веков в сфере технологий произошли значительные перемены, иницилируемые все большим распространением автоматизации и использованием химических процессов, – и не в последнюю очередь в производстве булавок. Через два поколения после Смита производительность труда рабочего увеличилась почти в два раза. Следуя его примеру, Чарльз Бэббидж, математик XIX века, известный как отец идеи компьютера²², в 1832 году принялся изучать фабрики по производству булавок. Он обнаружил, что каждый рабочий делает более восьми тысяч штук за один день. В течение дальнейших 150 лет технического развития производительность выросла в 100 раз, составив 800 тысяч булавок на работника в день, согласно проведенному в 1980 году исследованию кембриджского экономиста Клиффорда Праттена²³.

Рост производительности при изготовлении одних и тех же вещей, например булавок, – это только часть истории. Сегодня мы делаем очень много вещей, о которых люди во вре-

---

²² Первый компьютер Бэббиджа назывался разностной машиной, что стало названием одного из классических научно-фантастических романов Уильяма Гибсона и Брюса Стерлинга в стиле «стимпанк». Книга издана на русском языке: *Гибсон У., Стерлинг Б. Машина различий*. М.: У-Фактория, 2003. *Прим. ред.*

²³ Clifford Pratten, 'The manufacture of pins', *Journal of Economic Literature*, vol. 18 (March 1980), p. 94. Согласно Праттену, этот показатель был основан на производительности более эффективного из двух существовавших тогда предприятий. Менее эффективное производило около 480 тысяч булавок в день.

мена Смита могли только мечтать – например, летательные аппараты, – или которые даже не представляли себе – например, микросхемы, компьютеры, оптоволоконный кабель и другие технологии, которые нужны нам, чтобы использовать наши булавки... вернее, простите, наши PIN-коды²⁴.

Все меняется: как изменились действующие лица и институты капитализма

За время, прошедшее с эпохи Адама Смита до наших дней, изменились не только технологии или способы производства. **Субъекты экономической деятельности** – или люди, связанные с экономической деятельностью, – и **экономические институты** – или правила, определяющие организацию производственной и другой экономической деятельности, – тоже прошли через коренные преобразования.

Экономика Великобритании во времена Смита, которую он называл «коммерческим обществом», имела некоторые фундаментальные сходства с тем, что мы видим в большинстве современных государств. В противном случае его работа не имела бы никакого значения. В отличие от большинства стран того времени (за исключением Нидерландов, Бельгии и отдельных регионов Италии), Великобритания уже имела «капиталистическую» экономику.

---

²⁴ Здесь игра слов: в английском языке *pin* – булавка, и *PIN* – PIN-код, звучат одинаково. *Прим. пер.*

Так что же такое капиталистическая экономика, или *капитализм*? Это экономика, в которой производство организовано ради получения максимальной прибыли, а не для собственного потребления (как в *натуральном хозяйстве*, в условиях которого вы выращиваете еду только для себя) и не по политическим обязательствам (как в феодальных обществах и социалистическом хозяйстве, где политические власти, соответственно аристократы и органы центрального планирования, диктуют, что производить).

Прибыль представляет собой разницу между тем, что вы зарабатываете, реализуя продукт или услугу на рынке (ее еще называют выручкой от продаж или просто **выручкой**), и стоимостью всех вложенных в производство сил и средств. В случае фабрики по изготовлению булавок ее прибыль составит разница между стоимостью проданных булавок и стоимостью всех ресурсов, вложенных в их производство: расходов на приобретение стальной проволоки, зарплату рабочих, аренды фабрики и прочее.

Капитализм был создан капиталистами – людьми, которые владели **капитальными товарами**. Капитальные товары, называемые также средствами производства, относятся к долговременным вложениям в процесс производства (например, в оборудование, в отличие от сырья и материалов). В обиходе мы также используем термин «капитал» для обозначения денег, вложенных в коммерческое предприятие²⁵.

---

²⁵ В экономической теории это также называется финансовым или денежным

Капиталисты владеют средствами производства либо непосредственно, либо, что сейчас встречается чаще, косвенно через *доли* (или *акции*) компании – иными словами, документы, удостоверяющие право собственности на пропорциональную часть ее общей стоимости, – которой принадлежат средства производства. Капиталисты нанимают других людей, чтобы те работали на этих средствах производства, и платят им за это. Таких людей называют *наемными работниками*, или просто рабочими. Капиталисты получают прибыль, производя материальные блага и предлагая их другим людям на *рынке*, где продаются и покупаются продукты и услуги. Смит считал, что *конкуренция* среди продавцов на рынке гарантирует, что нацеленные на получение прибыли производители станут выпускать продукты с минимально возможными издержками, что в итоге окажется выгодно для всех.

Тем не менее сходство между капитализмом Смита и современным капитализмом не выходит далеко за пределы этих основных аспектов. Существуют огромные отличия между двумя эрами с точки зрения того, как основные характеристики – частная собственность на средства производства, погоня за прибылью, наемный труд и рыночный обмен – на самом деле реализуются на практике.

Капиталисты разных эпох отличаются друг от дру-

Во времена Адама Смита большинством заводов и ферм владели и управляли отдельные капиталисты или товарищества, состоящие из небольшого числа людей, знавших и понимавших друг друга. Они обычно непосредственно принимали участие в производстве, часто лично присутствуя на территории завода, отдавая распоряжения работникам, ругаясь и даже избивая их.

Сегодня владельцы и управляющие большинства производственных компаний – это не физические лица, то есть корпорации. «Лицами» их можно назвать только в юридическом смысле. В свою очередь, они принадлежат к множеству людей, которые покупают их акции и совместно владеют ими. Но владение акциями не делает вас капиталистом в классическом смысле слова. Если вам принадлежит 300 из 300 миллионов акций Volkswagen, это не значит, что вы можете прилететь на завод, например, в Вольфсбурге, что в Германии, и начать давать указания «своим» работникам на «своей» фабрике относительно того, что касается одной миллионной части их рабочего времени. Владение предприятием и управление его деятельностью в крупных компаниях разделены.

В большинстве крупных корпораций сегодняшние владельцы несут за них *ограниченную ответственность*. В обществах с ограниченной ответственностью (ООО) или публичных акционерных обществах (ПАО), если в организации

что-то пойдет не так, акционеры потеряют только деньги, вложенные в их акции, и на этом все закончится. Во времена Смита большинство владельцев компаний несли неограниченную ответственность, то есть, если дела шли плохо, им приходилось продавать свое личное имущество, чтобы выплатить долги, в противном случае они попадали в тюрьму²⁶. Смит выступал против принципа ограниченной ответственности. Он утверждал, что те, кто управляет подобными компаниями, не владея ими, играют с «чужими деньгами» (это его фраза, а также название известной пьесы, а впоследствии и фильма 1991 года с участием актера Дэнни Де Вито), следовательно, они не будут столь же бдительны в управлении, как те, кто рискует всем, что у них есть.

Кроме того, сегодня, независимо от формы собственности, компании организованы совершенно иначе, чем во времена Смита. В XVIII веке большинство предприятий были небольшими и имели всего одну производственную площадку с простой командной структурой, состоящей из нескольких мастеров, рядовых работников и, возможно, еще «смотрителя» (как тогда назывался наемный менеджер). Сегодня многие компании огромны, зачастую они нанимают десятки тысяч и даже миллионы работников по всему миру. Штат

---

²⁶ Небольшому числу компаний, занимавшихся рискованными предприятиями национального значения, например колониальной экспансией (Ост-Индская компания Великобритании и Нидерландов) или масштабной банковской деятельностью, разрешалось организовываться в форме обществ с ограниченной ответственностью.

Walmart, например, насчитывает 2,1 миллиона человек, а в McDonald's, включая все франшизы²⁷ компании, трудится около 1,8 миллиона. Такие компании имеют сложную внутреннюю структуру, по-разному строящуюся из подразделений, центров прибыли, полуавтономных и других единиц, они нанимают сотрудников, предъявляя им высокие квалификационные требования, а размер заработной платы определяется сложной бюрократической системой управления.

Сотрудники тоже отличаются

Во времена Смита большинство населения не *работало* на капиталистов. Большая часть людей тогда трудились в сфере сельского хозяйства, даже в Западной Европе, где капитализм был наиболее развит²⁸. Незначительное меньшинство работало по найму на сельскохозяйственных капиталистов, большинство из которых в то время были мелкими фермерами либо *арендаторами* (людьми, арендующими землю и в качестве оплаты отдающими часть своей продукции) *землевладельцев* из аристократии.

В ту эпоху даже многие из тех, кто трудился на капи-

---

²⁷ Франшизы – независимые компании, использующие только торговую марку и поставщиков более крупной корпорации, в отличие от филиалов, действующих под непосредственным управлением материнской компании.

²⁸ Даже в наиболее промышленно развитых странах, например Великобритании и Нидерландах, более 40 процентов людей работало в сельскохозяйственном секторе. В других странах Западной Европы это отношение превышало 50 процентов, а в некоторых – достигало 80 процентов.

талистов, не были наемными работниками. Они все еще оставались рабами. Как тракторы или тягловый скот, рабы считались средствами производства, принадлежащими капиталистам, в особенности владельцам плантаций на Юге США²⁹, в странах Карибского бассейна, Бразилии и других. Спустя два поколения после публикации «Богатства народов»³⁰ в Великобритании было отменено рабство (это произошло в 1833 году). Спустя почти столетие после первого выхода книги Адама Смита случилась кровавая гражданская война, в результате которой в США было отменено рабство (1862 год). В Бразилии конец рабству положили только в 1888 году.

Тогда как большая часть людей, обслуживавших предприятия капиталистов, не были наемными работниками, многим из тех, кто все-таки нанимался, в наши дни никто не позволил бы трудиться. Это были дети. В то время мало кто считал, что в детском труде есть что-то неправильное. В своей книге *A Tour Through the Whole Island of Great Britain* («Путешествие по всему острову Великобритания»), напи-

---

²⁹ Юг США – крупный экономико-географический и историко-культурный регион Северной Америки, куда входят штаты Техас, Джорджия, Вирджиния, Северная и Южная Каролина, Теннесси, Кентукки, Арканзас, Луизиана, Миссисипи, Алабама, Мэриленд, Делавэр и Флорида. В истории получил известность благодаря распространению крайних форм эксплуатации чернокожих людей белыми плантаторами. *Прим. пер.*

³⁰ Сокращенное название книги Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов». *Прим. пер.*

санной в 1724 году, Даниель Дефо, автор «Робинзона Крузо», выражал восхищение тем, что в Норидже, тогдашнем центре производства хлопчатобумажных тканей, «дети старше четырех-пяти лет уже могли сами зарабатывать себе на хлеб» благодаря запрету 1700 года на ввоз ситца – хлопчатобумажной ткани из Индии, высоко ценимой в то время³¹. Впоследствии детский труд был ограничен, а затем вообще запрещен, но это случилось много лет спустя после смерти Смита, в 1790 году.

Сегодня в Великобритании и других богатых странах картина совершенно иная³². Детям запрещено работать, за исключением небольшого количества часов для ограниченного круга видов деятельности вроде разноски газет. Сейчас нигде рабство не допускается юридически. Среди взрослых трудящихся около 10 процентов – **частные предприниматели** (они работают на себя), 15–25 процентов – государственные служащие, а все остальные – наемные работники, обслуживающие предприятия капиталистов³³.

---

³¹ D. Defoe, *A Tour Through the Whole Island of Great Britain* (Harmondsworth: Penguin, 1978), p. 86.

³² В большинстве развивающихся стран, где капитализм все еще недостаточно развит, ситуация по-прежнему не слишком отличается от той, что сложилась в Западной Европе при жизни Адама Смита. В самых бедных государствах детский труд распространен, в то время как множество людей все еще остаются арендаторами у полуфеодалов землевладельцев. От 30 до 90 процентов трудовых ресурсов в таких странах могут работать на себя, многие из этих людей заняты в натуральном сельском хозяйстве.

³³ В зависимости от страны 60–80 процентов людей, работающих на капитали-

Рынки изменились

Во времена Смита чаще всего рынки были местными или в лучшем случае национальными, за исключением рынков основных товаров, которые были предметом международной торговли (например, сахар, рабы, пряности), или ограниченного перечня промышленных товаров (например, шелковых, хлопчатых, суконных тканей). Эти рынки обслуживались многочисленными мелкими компаниями, что привело к состоянию, называемому современными экономистами **совершенной конкуренцией**, при которой ни один продавец не был способен влиять на цену. Современники Смита даже не могли представить себе предприятие, на котором трудится вдвое больше работников, чем население тогдашнего Лондона (0,8 миллиона человек в 1800 году), и которое осуществляет свою деятельность на территориях в шесть раз крупнее, чем площадь всех британских колоний того времени (компания McDonald's работает в 120 странах)³⁴.

Сегодня большинство рынков освоены и часто находятся

стов, задействованы в мелком и среднем бизнесе, где число наемных работников не превышает нескольких сотен. Сюда относятся компании со штатом менее 250 работников в Западной Европе и менее 500 – в США.

³⁴ В те времена Лондон был самым крупным городом Европы и вторым по величине в мире после Пекина. Его население превышало 1,1 миллиона человек. За исключением потерянных американских колоний, британские колониальные территории во время выхода книги «Богатство наций» включали в себя (частично) Индию, Канаду, Ирландию и около полутора десятков островов Карибского бассейна.

под значительным влиянием крупных компаний. Некоторые из них – единственные поставщики (**монополия**) или, что встречается чаще, одни из немногих поставщиков (**олигополия**) не только на национальном уровне, но и все чаще на глобальном. Например, Boeing и Airbus поставляют около 90 процентов гражданских воздушных судов по всему миру. Компании также могут быть единственным покупателем (**монопсония**) или одним из немногих покупателей (**олигопсония**).

В отличие от небольших фирм времен Адама Смита, монополистические или олигополистические компании способны влиять на конечные показатели рынка, обладая тем, что экономисты называют **рыночной властью**. Компания-монополист намеренно ограничивает добычу, чтобы поднять цены на свой продукт до той степени, которая обеспечит максимум прибыли (технические особенности этого процесса объясняются в [главе 11](#)). Олигополистические компании не способны манипулировать своими рынками так же, как монополистические, но они могут сознательно вступить в сговор, чтобы увеличить свою прибыль, не сбивая цены ради переманивания клиентов друг у друга, – это называется **картель**. Подобное положение дел привело к тому, что в наше время в большинстве стран *принято законодательство о защите конкуренции* (иногда называемое *антимонопольным*), которое борется с подобными действиями, мешающими свободной конкуренции, разрушая монополии (на-

пример, в 1984 году американское правительство закрыло телефонную компанию AT&T) и запрещая сговоры среди олигополистических компаний.

Монопсонические и олигопсонические компании считались теоретическими редкостями всего несколько десятилетий назад. Сегодня для формирования нашей экономики некоторые из них имеют большее значение, чем монополистические и олигополистические компании. Используя (иногда на глобальном уровне) свое уникальное положение в качестве одного из нескольких покупателей определенных продуктов, такие компании, как Walmart, Amazon, Tesco и Carrefour, оказывают огромное – иногда даже определяющее – влияние на то, что именно будет производиться, где, кто получит прибыль и в каком размере, а также что станут покупать люди.

Деньги (финансовая система) тоже изменились³⁵

Сейчас мы воспринимаем как должное, что в каждой стране только один банк, то есть **центральный банк**, выпускает банкноты и монеты, как, например, Федеральная резервная система в США или Банк Японии. В Европе времен Адама Смита большинство банков (и даже некоторые крупные торговцы) печатали собственные денежные знаки. Это

---

³⁵ Информация в оставшейся части раздела взята из книги Н.-J. Chang, *Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective* (London: Anthem Press, 2002), pp. 93–9, если не указано иное.

не были банкноты в современном смысле этого слова. Каждая бумага предназначалась конкретному человеку, имела уникальную ценность и подписывалась лицом, выдавшим ее³⁶. Только в 1759 году Банк Англии приступил к выпуску банкнот фиксированного номинала, в 10 фунтов (пятифунтовые банкноты появились только в 1793-м, через три года после смерти Адама Смита). А уже в 1853 году были выпущены полностью отпечатанные банкноты без имени получателя платежа и подписи кассира. Но даже такие бумаги не были банкнотами в современном смысле слова, поскольку их ценность прямо зависела от стоимости ценных металлов, золота или серебра, которыми обладал банк-эмитент. Это был так называемый **золотой** (серебряный и т. д.) **стандарт**.

Золотой (серебряный) стандарт – это денежная система, в которой купюры, выпущенные центральным банком, можно свободно обменять на определенное количество золота (или серебра). Это не означает, что центральный банк должен обладать запасом драгоценных металлов, равным стоимости выданной валюты, тем не менее **конвертируемость** бумажных денег в золото вынудила банки иметь очень большое количество таких запасов – например, Федеральная резервная система США хранила золотой запас, эквивалентный 40 процентам стоимости выданной ею валюты. В результате вышло так, что центральные банки стали обладать

---

³⁶ Вся информация о банкнотах Банка Англии взята из: <http://www.bankofengland.co.uk/banknotes/Pages/about/history.aspx>.

совсем небольшими полномочиями в принятии решения о том, сколько бумажных денег они могут выдать. В 1717 году Великобритания первой приняла золотой стандарт – сделал это Исаак Ньютон³⁷, который в то время был главой Королевского монетного двора, – а остальные европейские страны перешли на него в 1870-х. Эта система сыграла очень важную роль в эволюции капитализма при жизни ближайших двух поколений (мы рассмотрим подробнее эту тему в [главе 3](#)).

Использование банкнот – это одно дело, но хранение денег в банках или заимствование у банков, то есть *банковские услуги*, – совсем другое. Данная сфера при Адаме Смите была развита еще меньше. Три четверти населения Франции не имели доступа к банковским услугам до 1860-х годов. Даже в Британии, где с банковской индустрией дело обстояло значительно лучше, банковские услуги были фрагментированы, а процентные ставки в разных областях страны варьировали даже в течение значительной части XX века.

Фондовые рынки, на которых покупаются и продаются доли (акции) компаний, существовали за пару веков до начала эпохи Смита. Но, учитывая, что всего несколько компаний выпускали акции (как я уже говорил, в то время существовало очень мало обществ с ограниченной ответственностью), фондовый рынок оставался второстепенным

---

³⁷ Да, тот самый ученый. Представьте себе, он был еще алхимиком и играл на фондовой бирже.

участником разворачивавшейся капиталистической драмы. Хуже того, многие люди считали фондовые рынки чем-то вроде игорных домов (некоторые скажут, что они и сейчас остаются такими). Регулирование фондового рынка было минимальным и практически не выполнялось; биржевикам не вменялось в обязанность предоставлять исчерпывающую информацию о компаниях, акции которых они продавали.

Другие финансовые рынки оставались еще более примитивными. Рынок **государственных облигаций**, то есть долговых расписок, которые можно передать любому, выпускавшихся государственными займами (именно он стал центром европейского кризиса, который трясет мир с 2009 года), существовал только в нескольких странах, таких как Великобритания, Франция и Нидерланды. Рынок **корпоративных облигаций** (долговых расписок, выпускаемых компаниями) был слабо развит даже в Великобритании.

Сегодня финансовая индустрия у нас высоко развита (некоторые бы даже сказали, что чересчур). Она состоит не только из банковского сектора, фондового рынка и рынков облигаций, но все больше включает в себя рынки финансовых инструментов (фьючерсы, опционы, свопы) и такие финансовые продукты, как MBS (ценные бумаги с обеспечением активами), CDO (обеспеченные долговые обязательства) и CDS (кредитные дефолтные свопы). (Не волнуйтесь, в [главе 8](#) я объясню, что все это значит.) В конечном счете система опирается на центральный банк, который выступает в

качестве *кредитора в последней инстанции* и без ограничений выдает займы во время финансового кризиса, когда все остальные не хотят кредитовать. Действительно, отсутствие центрального банка делало управление финансовой паникой во времена Смита чрезвычайно сложным.

Сегодня существует множество правил, регламентирующих действия участников финансового рынка: какую сумму, кратную их собственному капиталу, они могут дать займам; какую информацию о себе должны открывать компании, продающие свои акции; какие виды активов имеют право держать финансовые учреждения (например, пенсионным фондам нельзя приобретать рискованные активы). Несмотря на все это, кратность и сложность финансовых рынков сделали сложным их регулирование – подтверждение чему мы увидели после глобального финансового кризиса 2008 года.

Заключение: изменения реального мира и экономические теории

Глядя на эти разительные различия, можно сделать вывод, что за последние два с половиной столетия капитализм претерпел огромные изменения. Несмотря на то что некоторые из основных принципов, провозглашенных Смитом, остаются в силе, они актуальны только в самых общих чертах. Например, конкуренция среди коммерческих компаний по-прежнему основная движущая сила капитализма, как и

в схеме Смита. Но она не работает для маленьких, малоизвестных компаний, которые, подстраиваясь под вкусы покупателей, добиваются победы с помощью повышения эффективности использования определенной технологии. Сегодня конкуренция ведется среди огромных транснациональных корпораций, у которых есть возможность не только влиять на цены, но и выводить технологии на новый уровень за короткий промежуток времени (вспомните о битве между Apple и Samsung) и манипулировать вкусами покупателей с помощью брендов и рекламы.

Какой бы великой ни была экономическая теория, она отражает свое время и окружающую среду. Чтобы плодотворно ее применять, нам необходимо хорошее знание технологических и организационных сил, характеризующих конкретные рынки, отрасли и страны, которые мы пытаемся анализировать с помощью теории. Вот почему, если мы хотим понять различные экономические теории в правильном контексте, мы должны знать, как развивался капитализм. К этому вопросу мы обратимся в следующей главе.

Глава 3. Как мы здесь оказались?

Краткая история капитализма

Миссис Линтотт: Итак. Какое определение вы дадите истории, мистер Радж?

Радж: Я могу говорить свободно, мисс? Не боясь наказания?

Миссис Линтотт: Я защищу вас.

Радж: Какое определение истории? Это просто одно чертово событие за другим.

Алан Беннетт. Любители истории

Одно чертово событие за другим: какая польза от истории?

У многих читателей, вероятно, история вызывает те же чувства, что и у молодого Раджа из популярной пьесы Алана Беннетта и фильма 2006 года о группе талантливых, но малообеспеченных мальчишек из Шеффилда, которые пытаются поступить в Оксфорд, чтобы изучать эту науку.

Многие люди считают **экономическую историю**, или историю того, как развивалась наша экономика, особенно бессмысленным предметом. Действительно ли мы должны знать, что случилось два или три столетия назад, чтобы понимать, что свободная торговля способствует экономическо-

му росту, что высокие налоги препятствуют созданию материальных благ и что устранение бюрократических преград способствует предпринимательской деятельности? Разве эти и другие экономические премудрости нашего времени не представляют собой логический вывод неопровержимых теорий и не прошли проверку огромным количеством современных статистических данных?

Большинство экономистов согласны с этим. Раньше, до 1980-х годов, экономическая история была обязательным предметом для аспирантов в большинстве американских университетов, но сегодня многие вузы даже не предлагают факультативного курса. Среди экономистов, наиболее ориентированных на теорию, даже наблюдается тенденция рассматривать экономическую историю в лучшем случае как безобидное чудачество вроде трейнспоттинга³⁸, а в худшем – как убежище для умственно отсталых, не способных справиться с такими «жесткими» вещами, как математика и статистика.

Тем не менее я познакомлю своих читателей с краткой (ну ладно, не очень краткой) историей капитализма, потому что наличие хотя бы общих знаний о его развитии крайне важно для полного понимания современных экономических явле-

---

³⁸ Хобби, распространенное в странах, где поезда ходят по постоянному расписанию: энтузиасты проводят время у локомотивных депо, на вокзалах или в наблюдательных пунктах вдоль железнодорожного полотна, записывая серийные номера проходящих локомотивов. Это занятие наиболее популярно в Великобритании и США. *Прим. пер.*

ний.

Жизнь еще более странная, чем вымысел, или Почему история имеет значение

История влияет на настоящее — не только потому, что представляет собой то, что происходило до настоящего времени, но и потому, что она (или, скорее, то, что, как нам кажется, мы знаем об истории) сообщает о решениях людей. Многие политические рекомендации подкреплены историческими примерами, потому что нет ничего более эффективного для убеждения людей, чем наглядные примеры из реальной жизни, успешные или неудачные. Например, те, кто пропагандирует свободную торговлю, всегда отмечают, что Великобритания, а затем и США стали мировыми экономическими сверхдержавами именно благодаря ей. Если бы они поняли, что их версия истории не соответствует истине (что я покажу позже), они бы не чувствовали себя столь уверенно, давая свои политические рекомендации. Им также было бы сложнее убеждать других.

Помимо этого, история заставляет нас усомниться в некоторых предположениях, принимаемых как должное. Как только вы узнаете, что сегодня нельзя купить или продать многое — например, людей (рабов), детский труд, правительственные учреждения, — что раньше пользовалось большим спросом, вы перестанете думать, что границы «свободного рынка» очерчены каким-то вечным научным законом, и нач-

нете понимать, что их можно изменить. Когда вы узнаете, что передовые капиталистические страны развивались быстрее всего в истории между 1950-ми и 1970-ми годами, когда действовало множество ограничивающих правил и высоких налогов, у вас сразу же появится скептическое отношение к утверждению, что стимулирование роста требует сокращения налогов и устранения бюрократических препон.

История полезна для осознания ограниченности экономической теории. Жизнь часто бывает гораздо более странной, чем вымысел, а в истории есть множество примеров успешного экономического опыта (на всех уровнях – стран, компаний, частных лиц), которые не могут быть исчерпывающе объяснены какой-либо одной экономической теорией. Скажем, если бы вы читали только такие журналы, как *The Economist* или *Wall Street Journal*, вы слышали бы только о политике свободной торговли Сингапура и ее одобрительном отношении к иностранным инвестициям. Таким образом, вы считали бы, что экономический успех Сингапура доказывает, что свободная торговля и свободный рынок представляют собой лучшее решение для экономического развития, пока не узнали бы, что вся земля в Сингапуре находится в собственности правительства, 85 процентов жилья предоставляется агентствами недвижимости, которыми владеет правительство (Совет по жилищному строительству), а 22 процента национального продукта производится государственными предприятиями (средний показа-

тель в мире составляет около 10 процентов). Не существует ни одной экономической теории – неоклассической, марксистской, кейнсианской, любой другой, – которая объясняет успех этой комбинации свободного рынка и социализма. Такие примеры должны заставить вас быть более скептически настроенными по отношению к экономическим теориям и более осторожными – к основанным на них политическим выводам.

И последнее, но важное замечание: мы должны обращаться к истории, потому что у нас есть моральный долг по мере возможности избежать экспериментов на живых людях. От центрального планирования в бывшем социалистическом блоке (и перехода к капитализму) через бедствия политики «жесткой экономии» в большинстве европейских стран, которая была последствием Великой депрессии, вплоть до неудач «экономики просачивающегося богатства» в США и Великобритании в 1980-х и 1990-х годах история полна примеров радикальных политических экспериментов, уничтоживших жизни миллионов и даже десятков миллионов людей. Изучение исторического прошлого, конечно, не гарантирует того, что мы полностью избежим ошибок в настоящем, но нам следует приложить все усилия, чтобы извлечь из него уроки, прежде чем сформулировать политику, которая будет влиять на жизни людей.

Если вы согласны с любым из перечисленных выше аргументов, пожалуйста, прочитайте главу до конца, в ней со-

держится множество исторических «фактов», которые могут быть оспорены. И надеюсь, в результате ваше понимание капитализма хотя бы немного изменится.

Черепаха против улитки: мировая экономика до капитализма

Экономика Западной Европы действительно росла медленно...

Капитализм берет начало в Западной Европе, в частности, в Великобритании и странах Бенилюкса (к которым сегодня относятся Бельгия, Нидерланды и Люксембург), в XVI–XVII веках. Почему он зародился там, а не, скажем, в Китае или Индии, которые тогда были сравнимы с Западной Европой по уровню экономического развития, – предмет интенсивных и длительных обсуждений. В качестве объяснения предлагалось все – от презрения, испытываемого китайской элитой к практическим занятиям (таким как торговля и промышленность), до карты угольных месторождений Великобритании и факта открытия Америки. Не будем долго рассуждать об этой дискуссии. Примем как данность, что капитализм начал развиваться в Западной Европе.

До его появления западноевропейские общества, как и все другие в докапиталистическую эпоху, менялись очень медленно. Люди в основном были организованы вокруг сельского хозяйства, в котором на протяжении многих столетий ис-

пользовались практически одни и те же технологии с ограниченной степенью коммерции и ремесленного производства.

Между X и XV веками, то есть в эпоху Средневековья, **доход на душу населения** увеличивался на 0,12 процента в год³⁹. Следовательно, доходы в 1500 году составляли всего на 82 процента выше, чем в 1000-м. Для сравнения, это величина, которой Китай с его 11 процентами роста в год достиг за шесть лет в период между 2002-м и 2008 годом. Отсюда следует, что с точки зрения материального прогресса один год в Китае сегодня эквивалентен 83 годам в средневековой Западной Европе (за это время могли родиться и умереть три человека – в Средневековье же средняя продолжительность жизни составляла всего 24 года).

...но все-таки быстрее, чем экономика любой другой страны мира

Несмотря на вышесказанное, рост экономики в Западной Европе все же намного опережал аналогичный показатель в странах Азии и Восточной Европы (включая Россию), которые, по оценкам, росли в три раза медленнее (0,04 процента). Это значит, что за 500 лет доходы местного населения стали выше всего на 22 процента. Если Западная Европа двигалась как черепаха, то другие страны больше напомина-

---

³⁹ A. Maddison, *Contours of the World Economy, 1-2300 AD* (Oxford: Oxford University Press, 2007), p. 71, table 2.2. Долгосрочные исторические показатели роста стран в следующих нескольких пунктах взяты из этого источника.

Рассвет капитализма (1500–1820 годы)

Капитализм появился «в замедленном темпе»

Капитализм появился в XVI веке. Но его распространение было настолько медленным, что невозможно точно установить точную дату его рождения. В период между 1500-м и 1820 годом темп роста доходов на душу населения в Западной Европе все еще составлял 0,14 процента – в сущности, он был таким же, как в Средневековье (0,12 процента). В Великобритании и Нидерландах ускорение роста этого показателя наблюдалось в конце XVIII века, особенно в секторах производства хлопчатобумажных тканей и черных металлов⁴⁰. В результате с 1500-го по 1820 год Великобритания и Нидерланды достигли темпов экономического роста на душу населения в 0,27 и 0,28 процента соответственно. И хотя по современным меркам такие показатели очень невелики, они вдвое превышали средний западноевропейский показа-

---

⁴⁰ Объем производства хлопчатобумажной ткани в Великобритании в период с 1700-го по 1760 год увеличивался на 1,4 процента в год, а в период с 1770-го по 1801 год составил 7,7 процента в год. Особенно между 1780-м и 1790 годом темп роста составил 12,8 процента в год – это много даже по сегодняшним меркам и поразительно в то время. Железорудная промышленность увеличила свою производительность на 5 процентов в год в период между 1770-м и 1801 годом. Эти данные рассчитаны по книге N. Crafts, *British Economic Growth during the Industrial Revolution* (Oxford: Clarendon Press, 1995, p. 23, table 2.4.

тель. Это привело к ряду изменений.

Появление новых наук, технологий и институтов

Вначале произошел культурный сдвиг в сторону более «рациональных» подходов к пониманию мира, поспособствовавший развитию современной математики и наук. Многие из этих идей были первоначально заимствованы из арабского мира и Азии⁴¹, но в XVI и XVII веках ученые Западной Европы добавили собственные инновации. Отцы-основатели современной математики и других наук, Коперник, Галилей, Ферма, Ньютон и Лейбниц – все работали в ту эпоху. Развитие науки не сразу повлияло на экономику в целом, но позже позволило систематизировать знания и сделать технологические инновации менее зависимыми от людей, так что их стало возможно легко передавать. Все это способствовало распространению новых технологий и в итоге – экономическому росту.

XVIII век увидел появление нескольких новых технологий, которые предвещали приход механизированной системы производства, особенно в текстильной, сталелитейной и химической промышленности⁴². Как на булавочной фабри-

---

⁴¹ В книге J. Hobson, *The Eastern Origins of Western Civilization* (Cambridge: Cambridge University Press, 2004) вы найдете доказательства того, что идеи раннего развития науки и технологии на Западе были в значительной мере позаимствованы из арабского, индийского и китайского миров.

⁴² Они включали самолетный челнок для ручного ткацкого станка (1733 г.) и прядильную машину «Дженни» (1764 г.) в текстильной промышленности, ис-

ке Адама Смита, развивалось тонкое разделение труда с использованием непрерывных сборочных линий, которые получили распространение с начала XIX века. В появлении этих новых производственных технологий ключевым фактором было желание увеличить выход продукта, чтобы иметь возможность больше продавать, а значит, получать больший доход – иными словами, распространение капиталистического способа производства. Как утверждал Смит в своей теории разделения труда, увеличение выхода продукта делает возможным более глубокое разделение труда, что впоследствии приводит к повышению производительности и, соответственно, к еще большему выходу продукта.

Появились новые экономические институты, приспособленные к новым реалиям капиталистического производства. С распространением рыночных сделок банки стали предлагать услуги по их обеспечению. Появление инвестиционных проектов, требующих капитала, превышающего богатство даже самых состоятельных людей, подтолкнуло к созданию **корпораций**, или компаний с ограниченной ответственностью, и, следовательно, к появлению фондового рынка.

Начало колониальной экспансии

пользование кокса (1709 г.) для выплавки стали и различные процессы для крупномасштабного сернокислотного производства (1730-е и 1740-е гг.) в химической промышленности.

С начала XV века страны Западной Европы стали стремительно расширяться. Называемая для приличия эпохой Великих географических открытий, эта экспансия включала экспроприацию земель и ресурсов и порабощение коренного населения посредством установления колониального режима.

Начиная с Португалии в Азии, а также Испании в Северной и Южной Америке, с конца XV века западноевропейские народы принялись безжалостно захватывать новые земли. К середине XVIII века Северная Америка была разделена между Англией, Францией и Испанией. Большинство стран Южной Америки находились под властью Испании и Португалии до 1810–1820-х годов. Части Индии пребывали под властью англичан (в основном Бенгалия и Бихар), французов (юго-восточное побережье) и португальцев (различные прибрежные районы, в частности Гоа). Примерно в это время начинается заселение Австралии (первая исправительная колония появилась там в 1788 году). Африка в то время была «освоена» не так хорошо, там располагались только небольшие поселения португальцев (ранее необитаемые острова Кабо-Верде, Сан-Томе и Принсипи) и голландцев (Кейптаун, основанный в XVII веке).

Колониализм базировался на капиталистических принципах. Символично, что до 1858 года британское правление в Индии осуществлялось корпорацией (Ост-Индской компанией), а не правительством. Эти колонии принесли новые

ресурсы в Европу. Поначалу экспансия мотивировалась поиском драгоценных металлов для использования в качестве денег (золота и серебра), а также пряностей (особенно черного перца). Со временем в новых колониях были созданы плантации – особенно в США, Бразилии и странах Карибского бассейна, – где применялся труд рабов, в основном вывезенных из Африки. Плантации основывались, чтобы выращивать и поставлять в Европу новые сельскохозяйственные культуры, такие как тростниковый сахар, каучук, хлопок и табак. Невозможно представить себе времена, когда в Британии не было традиционных чипсов, в Италии – помидоров и поленты (сделанной из кукурузы), а в Индии, Таиланде и Корее не знали, что такое чили.

Колониализм оставляет глубокие шрамы

Уже много лет ведутся споры о том, развился бы в XVI–XVIII веках капитализм без колониальных ресурсов: драгоценных металлов, использовавшихся в качестве денег, новых продуктов питания, например картофеля и сахара, и сырья для промышленного производства, такого как хлопок⁴³. Хотя нет сомнений, что колонизаторы получали большую пользу от их продажи, скорее всего, в европейских странах капитализм развился бы и без них. При этом колониализм,

---

⁴³ Авторитетное и взвешенное обсуждение этого вопроса вы найдете в P. Bairoch, *Economics and World History: Myths and Paradoxes* (Chicago: University of Chicago Press, 1993), Chapters. 5–8.

без сомнения, разорил колонизированные общества. Коренное население было истреблено или поставлено на грань вымирания, а его земля со всеми ресурсами – отобрана. Маргинализация местных народов оказалась настолько глубокой, что Эво Моралес, нынешний президент Боливии, избранный в 2006 году, всего лишь второй по счету глава государства на американском континенте – выходец из коренного населения, пришедший к власти с того момента, как европейцы прибыли туда в 1492 году (первым был Бенито Хуарес, президент Мексики в 1858–1872 годах).

Множество африканцев – по общей оценке, около 12 миллионов – были захвачены в рабство и вывезены в Европу и арабские страны. Это не только стало трагедией тех, кто потерял свободу (даже если им и удавалось пережить тяжелое путешествие), но также истощило многие африканские общества и уничтожило их социальную структуру. Территории приобрели произвольные границы – этот факт влияет на внутреннюю и международную политику ряда стран и по сей день. То, что в Африке так много межгосударственных границ имеют вид прямой линии, служит наглядным тому подтверждением, поскольку естественные границы никогда не бывают прямыми, они обычно проходят вдоль рек, горных хребтов и других географических объектов.

Колониализм часто подразумевал умышленное прекращение существующей производственной деятельности в экономически развитых регионах. Например, в 1700 году

Великобритания запретила ввоз индийского ситца (мы упоминали об этом в главе 2), чтобы содействовать развитию собственного производства, тем самым она нанесла тяжелый удар по индийской хлопчатобумажной промышленности. Эта отрасль была полностью уничтожена в середине XIX века потоком привозных тканей, в то время уже производившихся в Британии механизированным способом. Будучи колонией, Индия не могла применять тарифы и принимать другие политические меры, чтобы защитить своих производителей от британского импорта. В 1835 году лорд Бентинк, генерал-губернатор Ост-Индской компании, произнес известную фразу: «Равнины Индии белеют костями ткачей»⁴⁴.

Промышленная революция (1820–1870 годы)

Старт промышленной революции

Капитализм действительно пошел на взлет около 1820 года по всей Западной Европе, а затем и в европейских колониях в Северной Америке и Океании. Ускорение экономического роста было настолько резким, что следующие полвека после 1820 года стали называть промышленной революцией⁴⁵. За эти пятьдесят лет доход на душу населения в За-

---

⁴⁴ B. Hartmann and J. Boyce, *Needless Hunger* (San Francisco: Institute for Food and Development Policy, 1982), p. 12.

⁴⁵ В отличие от политических событий, таких как Великая французская революция и Русская революция, экономические – не имеют точной даты начала и конца. Промышленная революция определяется по большей мере 1750–1850 го-

падной Европе вырос на 1 процент, что совсем мало по современным меркам (в Японии наблюдалось такое увеличение дохода во время так называемого потерянного десятилетия 1990-х годов), а по сравнению с темпом роста в 0,14 процента, наблюдавшимся между 1500-м и 1820 годом, это было настоящее турбореактивное ускорение.

Продолжительность жизни в 17 лет и 80-часовая рабочая неделя: страдания некоторых людей только усилились

Впрочем, такое ускорение роста дохода на душу населения поначалу для многих сопровождалось снижением уровня жизни. Много людей, чьи умения устарели – например, ремесленников, производивших текстиль, – потеряли свои рабочие места, потому что их заменили машины, управлявшиеся более дешевыми неквалифицированными работниками, среди которых было много детей. Некоторые машины даже разрабатывались под рост ребенка. Люди, нанимавшиеся на фабрики или в маленькие цеха, поставляющие для них сырье, трудились очень много: 70–80 часов в неделю считались нормой, кто-то работал более 100 часов в неделю, а для отдыха обычно выделялось всего полдня в воскресенье.

Условия труда были крайне опасными. Многие английские работники хлопковой промышленности умирали от легочных заболеваний из-за пыли, образующейся в процессе

производства. Городской рабочий класс жил очень стесненно, иногда в комнате ютилось по 15–20 человек. Считалось вполне нормальным, что сотни людей пользуются одним туалетом. Люди умирали как мухи. В бедных районах Манчестера продолжительность жизни составляла 17 лет⁴⁶, что на 30 процентов *ниже* аналогичного показателя на территории всей Великобритании до норманнского завоевания, случившегося в 1066 году (тогда продолжительность жизни составляла 24 года).

Подъем антикапиталистических движений

Учитывая страдания, которые приносил многим людям капитализм, неудивительно, что возникли различные формы антикапиталистического движения. Представители некоторых из них просто пытались повернуть время вспять. Например, луддиты – текстильные ремесленники Англии, потерявшие свои рабочие места из-за автоматизации производства в 1810-х годах, – разрушали машины – непосредственную причину своей безработицы и самый яркий символ капиталистического прогресса. Другие стремились построить лучший, равноправный мир и создавали добровольные объединения. Роберт Оуэн, валлийский бизнесмен, пытался организовать общество на основе коммунального труда и жизни среди единомышленников, напомилавшее израильские ки-

---

⁴⁶ R. Heilbroner and W. Milberg, *The Making of Economic Society*, 13th edition (Boston: Pearson, 2012), p. 62.

буцы⁴⁷.

Наиболее важным антикапиталистическим проповедником был Карл Маркс (1818–1883), немецкий экономист и революционер, который провел большую часть жизни в изгнании в Англии – его могила находится на кладбище Хайгейт в Лондоне. Маркс окрестил Оуэна и других, подобных ему, «социалистами-утопистами» за их веру в то, что посткапиталистическое общество может основываться на идиллической общинной жизни. Назвав свой собственный подход научным социализмом, он утверждал, что новому обществу следует опираться на достижения капитализма, а не отвергать их. Социалистическое общество, по Марксу, должно будет положить конец частной собственности на средства производства, но при этом сохранить крупные предприятия, созданные капитализмом, чтобы иметь возможность в полной мере пользоваться их высокой производительностью. Более того, Маркс предположил, что социалистическое общество будет похоже на капиталистическую компанию в одном важном аспекте: оно станет централизованно планировать свои экономические отношения, точно так же, как и коммерческие предприятия организуют всю свою деятельность. Такой подход называется **централизованное планирование**.

Маркс и многие его последователи – в том числе лидер русской революции Владимир Ленин – считали, что социалистическое общество можно создать только через револю-

---

⁴⁷ Кооперативные фермы. *Прим. пер.*

цию, возглавляемую рабочим классом, потому что капиталисты вряд ли добровольно отдадут то, что имеют. Тем не менее некоторые из последователей Маркса, известные как ревизионисты, или социал-демократы, например Эдуард Бернштейн и Карл Каутский, полагали, что существующие проблемы можно решить путем реформы капитализма, а не его отмены. Они выступали за такие меры, как регулирование рабочего времени и условий работы, а также за развитие социального государства.

Оглядываясь назад, легко заметить, что реформисты лучше всего понимали историческую тенденцию, потому что система, которую они пропагандировали, сегодня действует во всех развитых капиталистических странах. В то время, однако, отнюдь не было очевидным, что рабочие при капитализме могут стать более обеспеченными, — не в последнюю очередь потому, что большинство капиталистов ожесточенно сопротивлялись реформам.

Начиная примерно с 1870 года стали наблюдаться ощутимые улучшения в условиях труда рабочего класса. Заработная плата стала повышаться. По крайней мере в Великобритании средний доход взрослого человека был достаточно высоким, чтобы он мог позволить себе несколько больше необходимого для выживания, и некоторые рабочие теперь трудились менее 60 часов в неделю. Средняя продолжительность жизни выросла с 36 лет в 1800-х до 41 года в 1860-

х⁴⁸. В конце этого периода даже наблюдались зачатки социального государства – так, канцлер объединенной Германии Отто фон Бисмарк в 1871 году ввел схему страхования от несчастных случаев.

Миф о свободном рынке и свободной торговле: как на самом деле развивался капитализм

Развитие капитализма в странах Западной Европы и их колониях в XIX веке часто связывают с распространением **свободной торговли и свободного рынка**. Принято считать, что правительства этих государств не облагали налогами и никак не ограничивали международную торговлю (называемую свободной торговлей) и вообще не вмешивались в функционирование рынка (свободного рынка). Подобное положение вещей привело к тому, что этим странам удалось развить капитализм. Принято также считать, что Великобритания и США лидировали среди других государств, потому что первыми приняли свободный рынок и свободную торговлю.

Это утверждение слишком далеко от истины. Правительство играло ведущую роль на начальном этапе развития капитализма как в Великобритании, так и в США и других

---

⁴⁸ N. Carfts, 'Some dimensions of the "quality of life" during the British industrial revolution', *Economic History Review*, vol. 50, no. 4 (November 1997): таблица 1 на с. 623 для данных 1820 года и таблица 3 на с. 628 для данных 1860 года.

странах Западной Европы⁴⁹.

Великобритания как пионер протекционизма

Начиная с Генриха VII (1485–1509) монархи династии Тюдор посредством государственного вмешательства способствовали развитию в стране шерстяной текстильной промышленности, в те времена считавшейся высокотехнологичной; здесь доминировали Нижние земли⁵⁰, особенно Фландрия. **Таможенные пошлины** (налоги на импорт) защищали британских производителей от превосходящих их конкурентов из Нижних земель. Английское правительство даже расходовало средства на перекупку квалифицированных ремесленников, в основном из Фландрии, чтобы получить доступ к передовым технологиям. Британцы и американцы с фамилиями типа Фландерс и Флеминг – потомки тех ремесленников. Кстати, без этой политики не было бы агента 007 (персонажа, созданного писателем Яном Флемингом) и пенициллина (его создатель – Александр Флеминг); и, так или иначе, думаю, Симпсоны⁵¹ не были бы такими смешными,

---

⁴⁹ Подробности ищите в Chang, *Kicking Away the Ladder* и Н.-J. Chang, *Bad Samaritans: Rich Nations, Poor Policies and the Threat to the Developing World* (Random House, London, 2007).

⁵⁰ Термином «Нижние земли», а также «Исторические Нидерланды» обозначается совокупность исторических областей в равнинном течении и дельтах европейских рек Рейн, Шельда и Маас: Фландрии, Голландии, Брабанта, Эно и др. *Прим. пер.*

⁵¹ Персонажи популярного американского мультипликационного сериала

если бы Неда Фландерса звали Нед Ланкашир. Эта политика продолжалась и после Тюдоров, и к XVIII веку на шерстяные текстильные изделия приходилось около половины доходов от экспорта Великобритании. Без них страна была бы не в состоянии импортировать продукты питания и сырье, нужные ей для промышленной революции.

Вмешательство со стороны правительства Великобритании было усилено в 1721 году, когда Роберт Уолпол⁵², первый премьер-министр этой страны, начал амбициозную и широкомасштабную программу развития производства. Она обеспечивала таможенную защиту⁵³ и субсидии (особенно для поощрения экспорта) для «стратегически важных» отраслей промышленности. Отчасти благодаря программе Уолпола во второй половине XVIII века Великобритания начала продвигаться вперед. К 1770 году она настолько явно опережала другие страны, что Адам Смит не видел необходимости в протекционизме и других формах государственного вмешательства для помощи британским производителям. Тем не менее прошло почти столетие со времени выхо-

---

«Симпсоны». *Прим. ред.*

⁵² На самом деле Уолпол был главным министром, но читатель нас простит, если мы назовем его первым премьер-министром. Он был первым главой британского правительства, который контролировал все министерства – до него было два или даже три объединенных главы правительства. Уолпол также первым поселился (в 1735 году) на Даунинг-стрит в доме № 10 – знаменитой официальной резиденции премьер-министра Великобритании.

⁵³ Защита от конкуренции с помощью тарифов на импорт. *Прим. пер.*

да книги Смита, прежде чем Великобритания полностью перешла на свободную торговлю (это случилось в 1860 году), когда ее промышленное превосходство стало бесспорным. В то время на нее приходилось 20 процентов общемирового объема обрабатывающей промышленности (по состоянию на 1860 год) и 46 процентов торговли промышленными товарами (по состоянию на 1870 год), несмотря на то что население страны составляло всего 2,5 процента населения всего земного шара; для сравнения, сегодня соответствующие показатели для Китая составляют 15 и 14 процентов, хотя в этой стране проживает 19 процентов населения Земли.

Соединенные Штаты – чемпион по протекционизму

В США ситуация развивалась еще более интересно. До провозглашения независимости британских колоний в Северной Америке развитие промышленности там намеренно подавлялось. Есть данные, что, услышав о первых попытках американских колонистов заняться производством, Уильям Питт-старший, британский премьер-министр с 1766-го по 1768 год, сказал, что «Они не должны получить разрешение даже на производство гвоздей для подков».

После обретения независимости многие американцы стали утверждать, что их страна должна развивать промышленность, если она хочет стать наравне с Великобританией и Францией. Возглавил это движение не кто иной, как пер-

вый в истории министр финансов США Александр Гамильтон (именно его портрет вы видите на десятидолларовой банкноте). В 1791 году в обращении к конгрессу «Докладе о мануфактурах» Гамильтон заявил, что правительство такой экономически отсталой страны, как США, обязано защищать и взращивать свою промышленность с первых дней, чтобы противостоять превосходящим иностранным конкурентам, пока собственное производство не вырастет; это называется **принципом поддержки новых отраслей промышленности**. Гамильтон предложил использовать таможенные пошлины и другие меры, чтобы помочь молодым отраслям промышленности, а также субсидии и государственные инвестиции в инфраструктуру (особенно в строительство каналов), патентный закон для поощрения новых изобретений и меры по развитию банковской системы.

Вначале помещикам – рабовладельцам с Юга, которые в то время доминировали в американской политике, удалось сорвать план Гамильтона; они не понимали, почему они должны покупать скверную продукцию, выпускаемую «янки», если могут ввозить более качественные и дешевые товары из Европы. Однако после англо-американской войны (1812–1816) – это был первый и пока единственный случай вторжения на территорию США – многие американцы пересмотрели свой взгляд на план Гамильтона и признали, что сильная страна должна иметь сильный промышленный сектор, а этого не произойдет, если не ввести таможенные та-

риффы и другие виды государственного регулирования. Жаль только, что Гамильтон уже не мог увидеть осуществления своих идей. Он был застрелен в пистолетной дуэли в 1804 году неким Аароном Берром – тогдашним вице-президентом страны (да, это были дикие дни: действующий вице-президент убил экс-министра финансов и никого при этом не посадили в тюрьму).

После смены направления в 1816 году торговая политика США становилась все более протекционистской. К 1830-м страна могла похвастаться самыми высокими таможенными пошлинами на промышленные товары в мире – этот статус она (почти без перерывов) удерживала в течение следующих ста лет, до начала Второй мировой войны. На протяжении столетия в таких государствах, как Германия, Франция и Япония, которые сегодня обычно связывают с политикой протекционизма, пошлины были значительно меньше.

В первой половине того века наряду с рабством и феодализмом протекционизм оставался постоянным яблоком раздора между промышленным Севером и аграрным Югом. Вопрос был окончательно решен после Гражданской войны (1861–1865), которую выиграли северяне. Их победа оказалась не случайной. Север взял верх именно потому, что уже полвека развивал обрабатывающую промышленность за стеной протекционизма. Персонаж классического романа Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» Ретт Батлер говорит своим соотечественникам с Юга, что янки выиграют войну,

потому что у них есть фабрики, литейные предприятия, верфи, железные и угольные шахты – все то, чего нет у южан.

Свободная торговля распространяется в основном за счет далеких от свободы средств

Хотя свободная торговля не *была* причиной возникновения капитализма, она *действительно* распространялась в течение всего XIX века. Частично она проявилась в самом сердце капиталистического мира 1860-х годов, когда Великобритания приняла данный принцип и подписала двусторонние **соглашения о свободной торговле (ССТ)**, в которых обе стороны отменяли ограничения на импорт и таможенные пошлины на экспорт друг для друга, с рядом государств Западной Европы. Однако сильнее всего она распространилась на периферии капитализма – в странах Латинской Америки и Азии, причем в результате того, что обычно никто не связывает со словом «свободный», – применения силы или во всяком случае угрозы ее использования.

Колонизация была наиболее очевидным путем для распространения «несвободной свободной торговли», но даже тем многим странам, которым посчастливилось не стать колониями, тоже пришлось принять ее. Методами «дипломатии канонерок»⁵⁴ их вынудили подписать **неравноправ-**

---

⁵⁴ Дипломатия канонерок – военно-политический курс, при осуществлении которого используется демонстрация силы с применением военно-морского флота. Канонерки (канонерские лодки) – небольшие корабли с артиллерийским вооружением. *Прим. пер.*

ные договоры, которые лишили их, помимо всего прочего, **тарифной автономии** (права устанавливать собственные тарифы)⁵⁵. Им было разрешено использовать только низкую единую тарифную ставку (3–5 процентов) – достаточную для повышения некоторых государственных доходов, но слишком малую для защиты неокрепших отраслей промышленности. Самым позорным из подобных фактов считается Нанкинский договор, который Китаю пришлось подписать в 1842 году после поражения в Первой опиумной войне. Но неравноправные договоры также начали подписываться со странами Латинской Америки, пока те не обрели независимость в 1810–1820-х годах. Между 1820-м и 1850 годом ряд других государств тоже были вынуждены подписать подобные договоры: Османская империя (предшественница Турции), Персия (сегодняшний Иран), Сиам (сегодняшний Таиланд) и даже Япония. Срок латиноамериканских неравноправных договоров истек в 1870–1880-х годах, в то время как договоры с азиатскими странами действовали и в XX ве-

---

⁵⁵ С помощью метода экстратерриториальности эти договоры лишали более слабые страны возможности наказывать иностранных граждан за преступления, совершенные на их территории. Некоторые другие неравноправные договоры требовали, чтобы слабейшие страны передавали или «отдавали в аренду» части своих территорий. Китай передал Великобритании остров Гонконг в 1842 году и Коулун в 1860-м, в то время как Британская империя «арендовала» так называемые Новые территории Гонконга на 99 лет в 1898 году. Неравноправные договоры часто вынуждали слабую страну продавать иностранцам права на использование природных ресурсов, например полезных ископаемых и лесных хозяйств, за минимальную плату.

ке.

Невозможность защищать и отстаивать молодые отрасли своей промышленности, будь то в результате прямого колониального господства или неравноправных договоров, значительно способствовала экономическому регрессу стран Азии и Латинской Америки в тот период: там наблюдался *отрицательный* рост дохода на душу населения (со скоростью $-0,1$ и $-0,04$ процента в год соответственно).

Пик развития (1870–1913 годы)

Капитализм переключается на более высокую передачу: начало массового производства

Развитие капитализма стало ускоряться около 1870 года. Между 1860-м и 1910 годом появились кластеры новых технологических инноваций, в результате чего начался подъем так называемой тяжелой и химической промышленности: производства электротехнического оборудования, двигателей внутреннего сгорания, синтетических красителей, искусственных удобрений и других продуктов. В отличие от технологий промышленной революции, придуманных практичными мужчинами с хорошей интуицией, новые технологии разрабатывались в рамках систематического применения научных и инженерных принципов. Таким образом, любое изобретение очень быстро могло быть воспроизведено и улучшено.

Кроме того, организация производственного процесса во многих отраслях промышленности пережила революцию благодаря изобретению **системы массового производства**. Благодаря внедрению *движущейся* сборочной линии (ленточного конвейера) и взаимозаменяемых деталей резко снизились затраты. В наше время это основная (почти повсеместно применяемая) система, несмотря на частые заявления о ее кончине, звучащие начиная с 1908 года.

Новые экономические институты возникли для управления растущими масштабами производства, рисками и нестабильностью

В период своего пика капитализм приобрел основную институциональную структуру, которая существует и сегодня; в нее входят общества с ограниченной ответственностью, законодательство о банкротстве, центральный банк, система социального обеспечения, трудовое законодательство и многое другое. Эти институциональные сдвиги произошли в основном из-за изменений в базовых технологиях и политике.

В связи с растущей потребностью в масштабных инвестициях, принцип ограниченной ответственности, который прежде применялся только в привилегированных компаниях, получил широкое распространение. Следовательно, теперь его могла использовать любая компания, выполняющая определенные минимальные условия. Получив доступ к беспрецедентным масштабам инвестиций, компании с ограни-

ченной ответственностью стали самым мощным средством развития капитализма. Карл Маркс, который распознал их огромный потенциал раньше любого ярого сторонника капитализма, назвал их «капиталистическим производством в своем высшем развитии».

Перед британской реформой 1849 года сутью закона о банкротстве было наказание неплатежеспособного бизнесмена в худшем случае долговой тюрьмой. Новые законы, введенные во второй половине XIX века, давали потерпевшим неудачу предпринимателям второй шанс, позволяя не платить проценты кредиторам во время реорганизации своего бизнеса (согласно главе 11 Федерального закона о банкротстве США, введенного в 1898 году) и заставляя последних списать часть долгов. Теперь вести бизнес стало не так рискованно.

С увеличением размера компаний стали укрупняться и банки. В то время существовала опасность, что банкротство одного банка может дестабилизировать всю финансовую систему, поэтому для борьбы с этой проблемой были созданы центральные банки, выступающие в качестве кредитора последней инстанции, – и первым в 1844 году стал Банк Англии.

Из-за широкого распространения социалистической агитации и усиления давления на правительство со стороны реформистов относительно положения рабочего класса начиная с 1870-х годов был внедрен ряд законов о социаль-

ном обеспечении и труде: появилось страхование от несчастных случаев, медицинское страхование, пенсии по старости и страхование на случай безработицы. Во многих странах запретили труд маленьких детей (как правило, в возрасте до 10–12 лет) и ограничили количество рабочих часов для детей постарше (изначально всего до 12 часов). Новые законы также регулировали условия и время работы для женщин. К сожалению, это было сделано не из рыцарских побуждений, а из-за высокомерного отношения к слабому полу. Считалось, что, в отличие от мужчин, женщинам недостает умственных способностей, поэтому они могут подписать невыгодный для них трудовой договор, – иными словами, женщин требовалось защитить от них самих. Эти законы о социальном обеспечении и труде сгладили грубейшие грани капитализма и сделали жизнь множества бедняков лучше – пусть поначалу совсем немного.

Институциональные изменения способствовали экономическому росту. Общества с ограниченной ответственностью и лояльные к должникам законы о банкротстве снизили риск, связанный с предпринимательской деятельностью, поощрив тем самым создание материальных благ. Деятельность центрального банка, с одной стороны, и законы о социальном обеспечении и труде – с другой, тоже способствовали росту за счет повышения, соответственно, экономической и политической стабильности, что позволило увеличить инвестиции, а следовательно, и ускорить дальнейший подь-

ем экономики. Темп роста доходов на душу населения в Западной Европе вырос с 1 процента в год в период пика 1820–1870 годов до 1,3 процента в течение 1870–1913 годов.

Оказывается, «либеральный» золотой век не был таким уж либеральным

Пик развития капитализма часто называют младенчеством **глобализации**: тогда впервые вся мировая экономика оказалась интегрирована в единую систему производства и обмена. Многие комментаторы списывают это на счет **либеральной** экономической политики, принятой в тот период, когда существовало совсем немного политических ограничений на межгосударственное перемещение товаров, капитала и людей. Такой либерализм на международной арене согласовывался с подходом **невмешательства** во внутреннюю экономическую политику (ниже во врезке приведены объяснения этих понятий). Принято считать, что предоставление максимальной свободы для бизнеса, стремление к **сбалансированному бюджету** (при котором государственные траты не превышают налоговых сборов) и принятие золотого стандарта стали ключевыми факторами. На самом деле все было намного сложнее.

Либеральный – самое непонятное определение в мире

Не так много терминов породили больше недоразумений, чем слово «либеральный». И хотя оно не использовалось до XIX века, идеи, лежащие в основе либерализма, встречались еще в XVII столетии, в работах таких мыслителей, как Томас Гоббс и Джон Локк. Классическое значение термина описывает такое положение вещей, при котором наивысший приоритет имеет свобода личности. С экономической точки зрения, это означает защиту права человека на использование своей собственности по личному усмотрению, особенно в том, что касается заработка денег. Лучшее правительство, по мнению приверженцев либерализма, – то, которое обеспечивает самые минимальные условия для осуществления таких прав: закон и порядок. Такое правительство (государство) называется **минимальным государством**. Распространенным лозунгом среди либералов того времени было «невмешательство» («Пусть все идет своим чередом»), так что либерализм также называют доктриной невмешательства.

Сегодня либерализм, как правило, приравнивается к пропаганде демократии, учитывая его акцент на политических правах человека, в том числе на свободе

слова. Тем не менее до середины XX века большинство либералов **не были** демократами. Либералы раннего периода уже отказались от консервативной точки зрения, будто традиции и социальная иерархия должны иметь приоритет перед правами человека. Но они также были уверены, что не каждый достоин таких прав. По мнению либералов, женщины не обладают достаточными умственными способностями, поэтому они не должны голосовать. Либералы также настаивали на том, что и бедняками нельзя давать право голоса, потому что они станут выбирать политиков, призывающих конфисковать частную собственность. Адам Смит открыто признавал, что правительство – «на самом деле институт, призванный защищать богатых от бедных или тех, кто имеет какую-то собственность, от тех, кто ее не имеет»⁵⁶.

Еще более запутанным данное понятие делает то, что в США термин «либеральный» употребляется для описания позиции левоцентристской партии. Американских «либералов», таких как Тед Кеннеди или Пол Кругман, в Европе называли бы социал-демократами. В Европе же этот термин используется для описания, например, сторонников Свободной демократической партии в Германии, которых в США причислили бы к **либертарианцам**.

Еще есть **неолиберализм** – доминирующая с 1980 года экономическая концепция (см. ниже). Он очень

---

⁵⁶ A. Smith, *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations* (Oxford: Clarendon Press, 1976), p. 181.

близок к классическому либерализму, но все же не его точная копия. С экономической точки зрения, неолиберализм выступает за минимальное государство, но с некоторыми изменениями: самое главное отличие заключается в том, что он признает центральный банк и его монополию на эмиссию банкнот, в то время как классические либералы считали, что в производстве денег тоже должна быть конкуренция. С политической точки зрения, неолибералы не выступают открыто против демократии, как делали классические либералы. Но многие из них готовы пожертвовать демократией во имя частной собственности и свободного рынка.

Неолиберализм, особенно в развивающихся странах, известен как подход **Вашингтонского консенсуса**, потому что его последовательно отстаивали три наиболее мощные экономические организации в мире, все расположенные в Вашингтоне, а именно Министерство финансов США, Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк.

В действительности в период с 1870-го по 1913 год на международной арене отнюдь *не наблюдалось* всеобщего либерализма. В сердце капитализма, Западной Европе и США, торговый протекционизм фактически вырос, а не уменьшился.

В результате гражданской войны с 1865 года США стали еще более протекционистским государством, чем раньше. Большинство западноевропейских стран, подписавших соглашения о свободной торговле в 1860–1870-х годах, не

возобновили их и существенно повысили таможенные пошлины после окончания срока их действия (обычно последний составлял 20 лет). Отчасти это было связано с желанием защитить сельское хозяйство, которое боролось с новым дешевым импортом из стран Нового Света (особенно из США и Аргентины) и Восточной Европы (России и Украины), но главным образом это делалось для защиты и поощрения развития новых отраслей промышленности – тяжелой и химической. Германия и Швеция были лучшими примерами такого «нового протекционизма», который у немцев получил название «брак железа и ржи».

Когда в 1870–1880-х истек срок действия неравноправных договоров, подписанных государствами Латинской Америки до обретения независимости, последние ввели достаточно высокие протекционистские пошлины (30–40 процентов). Тем не менее в других странах «периферии» наильно введенная свободная торговля, о которой мы говорили ранее, распространилась намного дальше. Европейские державы боролись за части африканского континента, да и многие азиатские страны превратились в колонии (Малайзия, Сингапур и Мьянма стали колониями Великобритании, Камбоджа, Вьетнам и Лаос – Франции). При поддержке своей промышленной мощи Британская империя разрослась до невероятных размеров, что привело к возникновению знаменитой поговорки, в которой говорится, что над этой страной никогда не заходит солнце. Такие государства, как Германия,

Бельгия, США и Япония, которые прежде не так сильно были вовлечены в колонизацию, тоже присоединились к ней⁵⁷. Не зря этот период известен как эпоха империализма.

На внутренней арене в основных капиталистических странах также были заметны значительные улучшения, а не ухудшения ситуации при государственном вмешательстве. Это проявлялось в строгом соблюдении доктрин свободного рынка в отношении налогово-бюджетной политики (доктрины сбалансированного бюджета) и денежно-кредитной политики (золотого стандарта). Тем не менее этот период характеризовался резким усилением роли правительства: появилось трудовое законодательство, системы социального обеспечения, государственные инвестиции в инфраструктуру (главным образом в железные дороги и каналы) и образование (особенно в США и Германии).

Либеральный золотой век 1870–1913 годов, выходит, был не настолько либеральным, как мы думаем. С точки зрения внутренней и международной политики, в основных капиталистических странах ситуация становилась менее либеральной. Либерализация в основном происходила в более слабых странах, причем по принуждению, а не по свободному выбору – через колониализм и неравноправные договоры. В единственном периферийном регионе, где отмечался быст-

---

⁵⁷ Германия присвоила Танзанию, Намибию, Руанду, Бурунди, Того и другие территории, хотя многие из них были переданы победителям в Первой мировой войне. США получили Кубу и Филиппины, а Бельгия – Конго. Япония колонизировала Корею, Тайвань и Маньчжурию (северо-восточная часть Китая).

рый рост в течение этого периода, а именно в Латинской Америке, наблюдалось широкомасштабное увеличение протекционизма по истечении срока действия неравноправных договоров⁵⁸.

Смута (1914–1945 годы)

Подножка капитализму: Первая мировая война и конец либерального золотого века

Начало Первой мировой войны в 1914 году ознаменовало конец целой эпохи капитализма. До тех пор, несмотря на постоянные угрозы восстания бедных слоев населения (революции 1848 года в Европе, Парижская Коммуна 1871 года и другие подобные события) и экономические проблемы (долгая депрессия 1873–1896 годов), единственным путем для распространения капитализма, казалось, было расширение границ.

Однако Первая мировая война (1914–1918) заставила пересмотреть эти взгляды и полностью дискредитировала популярное тогда мнение, что развитие и укрепление торговой сети, которую строил капитализм по всему миру, сделает

---

⁵⁸ Между 1870-м и 1913 годом рост доходов на душу населения в Латинской Америке глобально изменился от – 0,03 процента в 1820–1870-х годах до 1,86 процента в конце этого периода. В результате континент стал самым быстрорастущим регионом мира и даже опередил США с 1,82 процентами, которые оказались на втором месте.

войны между связанными друг с другом государствами маловероятными, если вообще возможными.

С одной стороны, в наступлении Первой мировой войны не было ничего удивительного, учитывая, что глобализацию эпохи пика развития капитализма в значительной степени обуславливал империализм, а не рыночные силы. Это означало, что международное соперничество между ведущими капиталистическими странами имело большие шансы перерасти в военные конфликты. Некоторые теоретики пошли еще дальше: они утверждали, что капитализм достиг той стадии, когда он уже не может быть устойчивым без постоянной внешней экспансии, которая рано или поздно подойдет к концу, ознаменовав финал капитализма.

У капитализма появляется конкурент: революция в России и подъем социализма

Это мнение лучше всего изложено в очерке «Империализм как высшая стадия капитализма»⁵⁹ лидера русской революции 1917 года Владимира Ленина. Это событие стало еще большим шоком для защитников капитализма, чем Первая мировая война, поскольку оно привело к возникновению экономической системы, подрывающей все краеугольные камни капитализма.

В течение десяти лет после революции в России частная

---

⁵⁹ Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1971. Т. 27. С. 387.

собственность на средства производства (оборудование, здания заводов, земля) была упразднена. Большой успех принесла коллективизация сельского хозяйства в 1928 году, когда земли зажиточных крестьян – кулаков – были конфискованы и превращены в государственные хозяйства (*совхозы*), а деревенской бедноте пришлось присоединиться к сельскохозяйственным кооперативам (*колхозам*), которые ничем, кроме названия, от совхозов не отличались. Рынки в конечном счете отменили, и к 1928 году, после старта первого пятилетнего плана, они были заменены полномасштабным централизованным планированием. К 1928 году Советский Союз имел определенно не капиталистическую экономическую систему. Она работала без частной собственности в сфере производства, без погони за прибылью и без рынков.

В отношении другого краеугольного камня капитализма, наемного труда, картина виделась несколько более сложной. Конечно, в теории советские трудящиеся не были наемными работниками, потому что им принадлежали все средства производства – через государственную собственность или кооперативы. Однако на практике они были неотличимы от наемных работников в капиталистической экономике, поскольку практически не имели контроля над тем, каким образом работает их предприятие и экономика в более широком смысле, и на их ежедневный труд все еще распространялись те же самые иерархические отношения.

Советский социализм представлял собой масштабный

экономический (и социальный) эксперимент. До него никогда не существовало централизованно планируемой экономической системы. Карл Маркс изложил детали слишком неопределенно, и Советский Союз должен был самостоятельно придумать систему, раз собирался идти непроторенным путем. Даже многие марксисты, особенно Карл Каутский, скептически относились к перспективам этой системы; по словам же самого Маркса, социализм должен был родиться из экономики наиболее развитых капиталистических стран. Такие экономические системы, по его утверждению, были всего в шаге от полностью плановой экономики, потому что их хозяйственная деятельность в высшей степени планировалась крупными компаниями и картелями этих компаний. Экономика Советского Союза – даже наиболее развитая европейская часть – была крайне отсталой, с едва развитым капитализмом; стало быть, у социализма не было оснований появиться.

К всеобщему удивлению, поначалу советская индустриализация имела большой успех, что наиболее наглядно доказала способность СССР отразить фашистское наступление на Восточном фронте во время Второй мировой войны. По оценкам, в период между 1928-м и 1938-м годом доход на душу населения в Советском Союзе возрастал на 5 процентов в год – невероятно высокий темп для мира, где доход, как правило, увеличивался на 1–2 процента в год⁶⁰.

---

⁶⁰ Рассчитано на основе данных из книги A. Maddison, *The World Economy*:

Такой рост обошелся ценой миллионов смертей – от политических репрессий и голода 1932 года⁶¹. Тем не менее в то время масштабы голода были неизвестны, и многих впечатлили результаты советской экономической деятельности, особенно учитывая, что после Великой депрессии 1929 года капитализм стоял на коленях.

Спад капитализма: Великая депрессия 1929 года

Великая депрессия стала еще более травмирующим событием для верующих в капитализм, чем подъем социализма. Особенно заметно это было в США, где она началась с печально известного краха Уолл-стрит в 1929 году и где оказалось больше всего пострадавших от нее. Между 1929-м и 1932 годом объем промышленного производства в США уменьшился на 30 процентов, а уровень безработицы увеличился в восемь раз: с 3 до 24 процентов⁶². Только к 1937 году США удалось восстановить производство до уровня 1929 года. Германия и Франция тоже сильно пострадали: в этих странах объем промышленного производ-

---

Historical Statistics) (Paris: OECD, 2003), p. 100, table 3c.

⁶¹ Вкратце, голод в 1932 году случился потому, что после коллективизации сельского хозяйства из сельской местности вывезли слишком много продовольствия. Быстрорастущее городское население нужно было кормить. Кроме того, зерно шло на экспорт, а за вырученную иностранную валюту приобреталась передовая техника, необходимая Советскому Союзу для индустриализации.

⁶² Данные и информация в оставшейся части раздела взяты из C. Dow, *Major Recessions: Britain and the World, 1920–1995* (Oxford: Oxford University Press, 1998), p. 137, table 6.1 (1929–1932) и p. 182 (1932–1937).

ства упал на 16 и 15 процентов соответственно.

Неолиберальные экономисты распространяют авторитетное мнение, якобы большой, но совершенно управляемый финансовый кризис превратился в Великую депрессию из-за разлада в мировой торговле, вызванного «торговой войной» в связи с принятием США протекционистских ставок таможенных пошлин в соответствии с законом Смута – Хоули⁶³. Эта история не выдерживает никакой критики. Повышение таможенных тарифов по закону Смута – Хоули нельзя назвать резким: он поднял среднюю ставку таможенной пошлины на промышленную продукцию США с 37 до 48 процентов. Не был он и причиной массовой таможенной войны. За исключением нескольких экономически слабых государств, таких как Италия и Испания, в других странах не наблюдалось сильного роста торгового протекционизма вследствие применения закона Смута – Хоули. И самое главное – исследования показывают, что основной причиной обвала в международной торговле после 1929 года стало не повышение таможенных пошлин, а нисходящая спираль международного спроса, вызванная внедрением правительствами основных капиталистических стран концепции сбалансиро-

---

⁶³ Закон Смута – Хоули – закон о таможенном тарифе, который поднимал ставки пошлин на более чем 20 тысяч импортируемых продуктов. По одной из версий, результатом его стала ответная реакция других государств, поднявших пошлины на американские товары, что привело к резкому сокращению торгового оборота между США и европейскими странами и окончательно столкнуло экономику в Великую депрессию. *Прим. пер.*

ванного бюджета⁶⁴.

После крупного финансового кризиса, такого как 1929-го или 2008 года, расходы частного сектора снижаются. Долги не выплачиваются, что заставляет банки уменьшать объемы кредитования. Не имея возможности брать деньги в долг, компании и частные лица сокращают свои расходы, а это, в свою очередь, снижает спрос на продукты других компаний и частных лиц (компании продают продукты покупателям и оборудование – другим компаниям, работники продают компаниям свой труд). Уровень спроса в экономике идет по спирали вниз.

В этих условиях правительство остается единственным субъектом экономической деятельности, который способен поддерживать уровень спроса, тратя больше, чем зарабатывает, то есть с помощью дефицита бюджета. Однако в период Великой депрессии сильная вера в доктрину сбалансированного бюджета не позволила выбрать такой курс действий. Поскольку налоговые поступления уменьшались из-за снижения уровня экономической активности, единственным способом сбалансировать бюджет было сокращение расходов; таким образом, не оставалось ничего, что могло бы остановить нисходящую спираль спроса⁶⁵. И хуже всего, что зо-

---

⁶⁴ Эту точку зрения очень доступно объясняет Стефани Фландерс, экономический журналист BBC, в следующей записи в блоге BBC: <http://www.bbc.co.uk/blogs/thereporters/stephanieflanders/2009/02/04/index.html>.

⁶⁵ Например, согласно расчетам, фискальная политика правительства США добавила лишь 0,3 процента к ВВП в период с 1929-го по 1933 год против 31,8 про-

лотой стандарт не позволял центральным банкам увеличить выпуск денег, поскольку в этом случае возникала опасность снижения стоимости валюты. В условиях ограниченной денежной массы кредиты стали крайне редким явлением, что сковало деятельность частного сектора и тем самым снизило спрос еще сильнее.

Реформы начинаются: США и Швеция подают пример

Великая депрессия произвела неизгладимое впечатление на сторонников капитализма. За нею последовал повсеместный отказ от доктрины невмешательства и серьезные попытки реформировать экономическую систему.

Особенно масштабными и далеко идущими были реформы в Соединенных Штатах, на которые Депрессия оказала самое сильное воздействие и где она длилась дольше всего. Так называемая программа «Первый новый курс» (1933–1934), принятая при президенте ФранкLINE Рузвельте, разделила коммерческие и инвестиционные подразделения банков (по закону Гласса – Стиголла 1933 года), установила систему страхования для защиты мелких вкладчиков от банкротства банков, ужесточила регулирование фондового рынка (согласно Федеральному закону о ценных бумагах), рас-

---

цента снижения за тот же период (Dow, Major Recessions, p. 164, table 6.11), а фискальная политика Великобритании добавила лишь 0,4 против 5,1 процента снижения ВВП между 1929-м и 1932 годом (Dow, Major Recessions, p. 192, table 6.23).

ширила и укрепила систему сельскохозяйственного кредитования, установила гарантированные минимальные цены на сельскохозяйственную продукцию, способствовала развитию инфраструктуры (например, была построена плотина Гувера, которую можно увидеть в фильме «Супермен» 1978 года с Кристофером Ривом в главной роли) и многое другое. «Второму новому курсу» (1935–1938) удалось превратить в жизнь еще больше реформ, включая принятие Закона о социальном обеспечении (1935 года), который ввел выплаты пенсий по старости и страхование на случай безработицы, а также закона Вагнера (1935 года), усилившего профсоюзы.

Еще одна страна, где были проведены значительные реформы, – это Швеция. Воспользовавшись недовольством общества либеральной экономической политикой, которая оставила 5 процентов населения без работы, в 1932 году к власти пришла Социал-демократическая партия. Налоги на прибыль здесь были введены удивительно поздно для страны, которая сегодня считается бастионом этого налога (для сравнения, в Великобритании подоходный налог ввели в 1842 году, и даже активно выступающие против введения налогов США стали взимать его в 1913 году). Полученные таким образом доходы пошли на построение социального государства (в 1934 году в Швеции ввели страхование по безработице, а пенсия по старости повысилась) и для помощи мелким фермерам (были расширены фермерские

кредиты и установлены гарантированные минимальные цены на сельскохозяйственную продукцию). В 1938 году централизованные профсоюзы и объединения рабочих подписали Сальтшебаденское соглашение, устанавливающее мирное разрешение промышленных конфликтов.

Другие страны зашли в изменении капитализма не столь далеко, сколь США и Швеция, но их реформы предвосхищали образ будущего, наступившего после Второй мировой войны.

Капитализм слабеет: его рост замедляется, и социализм превосходит капитализм

Смута периода 1914–1945 годов достигла своего пика с началом Второй мировой войны, в которой погибло огромное количество людей, как солдат, так и мирных жителей (до 60 миллионов). Война привела к первому снижению экономического роста с начала XIX века⁶⁶.

Золотой век капитализма (1945–1973 годы)

Капитализм хорошо работает на всех фронтах: рост доходов, занятости и стабильности

Промежуток между 1945 годом, после окончания Вто-

---

⁶⁶ Темп роста дохода на душу населения для всего мира снизился с 1,31 процента с 1870-го по 1913 год до 0,88 процента в 1913–1950 годах. См. Maddison, *The World Economy*, p. 383, table A.8.

рой мировой войны, и 1973 годом, когда случился первый нефтяной шок, часто называют золотым веком капитализма. Этот период действительно заслуживает такого названия, поскольку тогда был достигнут самый высокий темп роста в истории. Между 1950-м и 1973 годом доход на душу населения в Западной Европе рос с поразительной скоростью, достигавшей 4,1 процента в год. В США это происходило медленнее, но и здесь темп роста был беспрецедентным – 2,5 процента в год. Рост дохода в Западной Германии составил 5 процентов – данное явление получило название «чудо на Рейне», в то время как в Японии рост оказался еще быстрее и составил 8,1 процента; так началась цепочка «экономических чудес» в Восточной Азии, произошедших в следующие полвека.

Высокий рост дохода на душу населения не единственное экономическое достижение золотого века. В развитых капиталистических странах Западной Европы, а также в Японии и США была практически ликвидирована безработица – бич рабочего класса (см. [главу 10](#)). Эти страны продемонстрировали удивительную стабильность по ряду показателей: по объему производства продукции (а следовательно, и занятости населения), по ценам и финансам. Производительность колебалась значительно меньше, чем в предыдущие периоды, не в последнюю очередь благодаря кейнсианской фискальной политике, позволявшей увеличивать государственные расходы в период спадов экономики и снижать их во вре-

мя бумов⁶⁷. Уровень **инфляции**, то есть темп роста среднего уровня цен, оставался относительно низким⁶⁸, а степень финансовой стабильности – очень высокой. В период расцвета капитализма практически ни одна страна не столкнулась с банковским кризисом. Для сравнения, начиная с 1975 года ежегодно от 5 до 35 процентов государств переживали банковский кризис, за исключением нескольких лет в середине 2000-х⁶⁹.

Таким образом, по всем показателям золотой век был примечательным периодом. Когда британский премьер-министр Гарольд Макмиллан сказал: «Так хорошо вы еще никогда не жили», – он не преувеличивал. Споры о том, что именно стояло за этими превосходными экономическими показателями, которые до сих пор не удалось превзойти, по-прежнему не прекращаются.

Факторы, обусловившие золотой век капитализма

Некоторые отмечают, что после Второй мировой войны необычайно много новых технологий ждали своего часа и в

---

⁶⁷ A. Glyn, A. Hughes, A. Lipietz and A. Singh, 'The rise and fall of the Golden Age', in S. Marglin and J. Schor (eds.), *The Golden Age of Capitalism* (Oxford: Oxford University Press, 1990), p. 45, table 2.4.

⁶⁸ Средний уровень инфляции в развитых капиталистических странах в этот период составлял около 4 процентов. См. *The Golden Age of Capitalism* (Oxford: Oxford University Press, 1990), p. 45, table 2.4.

⁶⁹ Рейнхарт К., Рогофф К. На этот раз все будет иначе. Восемь столетий финансового безрассудства. М.: Карьера Пресс, 2011 (рис. 16.1).

нужный момент дали толчок к росту во время золотого века. Многие технологии, разработанные во время войны для нужд фронта, были перепрофилированы на применение в гражданских целях: среди них можно назвать компьютеры, электронику, радары, реактивные двигатели, синтетический каучук, микроволновые печи (прежде эта технология применялась в радиолокационной технике) и многое другое. С окончанием войны в них было сделано много инвестиций, сначала для послевоенного восстановления экономики, а затем для удовлетворения потребительского спроса, выросшего за время жесткой экономии в военный период.

В международной экономической системе в годы золотого века также произошли некоторые важные изменения, способствовавшие экономическому развитию.

Встреча в 1944 году союзников на курорте в Бреттон-Вудс положила начало созданию двух ключевых институтов послевоенной международной финансовой системы, которые в итоге были прозваны Бреттон-Вудскими учреждениями: Международному валютному фонду (МВФ) и Международному банку реконструкции и развития (МБРР), более известному как Всемирный банк⁷⁰.

МВФ был создан для обеспечения краткосрочного финансирования стран в случае кризиса **платежного балан-**

---

⁷⁰ Сегодня люди считают Всемирный банк банком для бедных стран, но его первыми клиентами были истерзанные войной страны Европы. Это нашло отражение в его официальном названии – Международный банк реконструкции и развития (МБРР).

са – то есть показателя состояния расчетов страны с остальными странами мира (подробнее об этом читайте в [главе 12](#)). Такой кризис происходит, когда задолженность страны перед другими странами (например, в результате существенно превышения импорта продуктов или покупки иностранных облигаций над экспортом) достигает таких размеров, что больше никто не желает одалживать ей денег. Типичным результатом в таком случае бывает финансовая паника, а затем глубокий спад в экономике. Предоставляя в такой ситуации экстренные кредиты, МВФ позволяет государствам преодолевать кризисы с меньшими негативными последствиями.

Всемирный банк был создан для кредитования проектов: деньги им выделяются на конкретные инвестиционные проекты, например на строительство плотин. Предоставляя ссуды с более длительными сроками погашения и/или низкими процентными ставками, чем предлагают банки частного сектора, Всемирный банк дает возможность странам-клиентам делать инвестиции более активно.

Третьей опорой в послевоенной мировой экономической системе стало Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), подписанное в 1947 году. Между 1947-м и 1967 годом в рамках ГАТТ прошло шесть серий переговоров (так называемых раундов), которые привели главным образом к сокращению таможенных пошлин в торговле между развитыми странами. Применяемые в ряде стран с пример-

но одинаковым уровнем развития, эти сокращения привели к положительным результатам, расширяя рынки и стимулируя рост производительности труда за счет повышения конкуренции.

В Европе был проведен новый эксперимент в сфере международной интеграции с далеко идущими последствиями. Он начался с Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), учрежденного в 1951 году, в состав которого вошли шесть стран: ФРГ, Франция, Италия, Нидерланды, Бельгия и Люксембург, – и завершился созданием Европейского экономического сообщества (ЕЭС) – соглашения о свободной торговле – на основании Римского договора 1957 года⁷¹. В 1973-м Великобритания, Ирландия и Дания присоединились к группе, которая к тому времени называлась ЕС (Европейские сообщества). Неся мир в регионы, раздираемые войнами и соперничеством, а также объединяя рынки, ЕЭС внесло большой вклад в экономическое развитие своих стран-участниц.

Наиболее авторитетное объяснение причин золотого века капитализма заключается в том, что он стал следствием реформ в экономической политике и институтах, которые привели к возникновению **смешанной экономики** – объеди-

---

⁷¹ Европейское объединение угля и стали координировало усилия по модернизации производственных мощностей в угольной и сталелитейной промышленности. На основании Римского договора 1957 года было создано Европейское сообщество по атомной энергии (Евroatом), а также ЕЭС. В 1967 году эти три сообщества были объединены и образовали Европейские сообщества (ЕС).

нению лучших элементов капитализма и социализма.

После Великой депрессии пришло понимание необходимости вводить определенные ограничения для свободной конкуренции. Был сделан вывод, что правительство должно играть активную роль в решении проблем, связанных с падением нерегулируемых рынков. В то же время позитивный опыт планирования в период Второй мировой войны уменьшил скептицизм в отношении обоснованности государственного вмешательства. Успех левых партий на выборах во многих европейских странах (благодаря их ведущей роли в борьбе с фашизмом) привел к развитию и распространению концепции социального государства и расширению прав наемных работников.

Эти изменения в политике и институтах внесли свой вклад в установление золотого века по ряду направлений: в создание социального мира, поощрение инвестиций, повышение социальной мобильности и внедрение технологических инноваций. Позвольте мне немного углубиться в детали, поскольку это важный вопрос.

Капитализм по-новому: политика и институты, поддерживающие рабочих

Вскоре после Второй мировой войны многие европейские страны национализировали частные предприятия или создали новые **народные** или **государственные предприятия (ГП)** в ключевых отраслях промышленности, таких как чер-

ная металлургия, железные дороги, банки и энергетическая промышленность (угольная, ядерная и электрическая). Это было отражением веры европейских социалистических движений в государственный контроль над средствами производства как в ключевой элемент социал-демократии в соответствии с положениями, записанными в знаменитой статье IV устава Лейбористской партии Великобритании (она была изъята оттуда в 1995 году, когда Тони Блэр преобразовывал партию в «новых лейбористов»). В таких странах, как Франция, Финляндия, Норвегия и Австрия, за ГП признавалась ключевая роль в формировании высоких темпов роста во время золотого века, поскольку государственные предприятия позволяли развивать высокотехнологичные отрасли, слишком рискованные с точки зрения компаний частного сектора.

Показатели благосостояния, впервые введенные в конце XIX века, значительно возросли после передачи государству обязательств предоставления населению ряда основных услуг (пример – Национальная служба здравоохранения Великобритании). Они финансировались за счет значительного увеличения налогов (в процентах от национального дохода). Рост показателей благосостояния привел к повышению социальной мобильности населения и тем самым усилил легитимность капиталистической системы. Наступившая социальная стабильность позволила привлечь больше инвестиций, ориентированных на долгосрочную перспективу, что

привело к росту экономики.

Управляемый капитализм: правительства регулируют и формируют рынки различными способами

Усвоив уроки Великой депрессии, правительства всех развитых капиталистических стран начали преднамеренно применять **антициклические макроэкономические меры**, известные как кейнсианская политика (см. [главу 4](#)), увеличивая государственные расходы и поступления денежной массы из центрального банка во время экономических спадов и снижая их в периоды подъемов.

Свидетельством признания потенциальной опасности нерегулируемых рынков, проявившейся в период Великой депрессии, стало усиление финансового регулирования. Немногие страны зашли так же далеко, как США, в отделении инвестиционной деятельности банков от банковского обслуживания коммерческих организаций, но все они ввели ограничения на сферу деятельности банков и финансовых инвесторов. Это была эпоха, когда банкиры считались уважаемыми, но скучными людьми, в отличие от их сегодняшних сумасбродных преемников⁷².

---

⁷² В 2009 году Пол Кругман написал: «Тридцать с лишним лет назад, когда я был студентом магистратуры на факультете экономики, лишь наименее амбициозные из моих однокурсников хотели работать в сфере финансов. Несмотря на то что даже тогда инвестиционные банки платили своим сотрудникам больше, чем получали учителя или госслужащие, хоть и ненамного, все всё равно знали, что банковское дело, мягко говоря, скучное занятие».

Многие правительства применяли **селективную промышленную политику**, способствовавшую продвижению целевых стратегических отраслей посредством ряда таких мер, как торговый протекционизм и субсидии. У правительства США официально не было промышленной политики, но оно оказывало большое влияние на экономическое развитие страны, обеспечивая внушительное финансирование научных исследований для передовых отраслей промышленности: компьютерной (финансируемой Пентагоном), полупроводниковой (BMC США), самолетостроения (BBC США), интернета (DARPA – Агентство по перспективным оборонным научно-исследовательским разработкам), фармации и медико-биологических наук (Национальные институты здоровья)⁷³. Правительства таких стран, как Франция, Япония и Южная Корея, не остановились на содействии отдельным отраслям и стали непосредственно координировать политику в отношении всего промышленного сектора посредством пятилетних планов – этот прием стали называть **индикативным планированием**, чтобы отличить его от директивного советского центрального планирования.

Новый рассвет: развивающиеся страны наконец предприняли попытку экономического развития

---

⁷³ Более подробную информацию можно найти в F. Block, 'Swimming against the current: the rise of a hidden developmental state in the United States', *Politics and Society*, vol. 36, no. 2 (2008), и M. Mazzucato, *The Entrepreneurial State: Debunking Private vs. Public Sector Myths* (London: Anthem Press, 2013).

Золотой век стал свидетелем масштабной деколонизации. Начиная с Кореи в 1945 году (которая в 1948-м была поделена на Северную и Южную) и Индии (от которой отделился Пакистан) в 1947 году, большинство колоний обрели свободу. Независимость во многих странах повлекла за собой ожесточенную борьбу с колонизаторами. Несколько позже независимость пришла в государства Центральной и Западной Африки, где в 1957 году Кения первой получила свободу. До середины 1960-х около половины стран Центральной и Западной Африки обрели независимость. Некоторым пришлось ждать намного дольше (Ангола и Мозамбик освободились от власти Португалии лишь в 1975 году, Намибия обрела независимость от Южной Африки в 1990-м), какие-то ждут до сих пор, но подавляющее большинство бывших колониальных обществ – которые сегодня называют развивающимися странами – получили свободу к окончанию эпохи золотого века капитализма.

После обретения независимости большинство постколониальных стран отказались от политики свободного рынка и свободной торговли, навязанной им метрополиями. Некоторые из них стали откровенно социалистическими (Китай, Северная Корея, Северный Вьетнам и Куба), но большинство начали проводить политику индустриализации, возглавляемую государством, оставаясь при этом в основном капиталистическими странами. Данная стратегия стала известна как **создание промышленности для замены им-**

порта – ее называли так потому, что импортируемые промышленные изделия заменялись своими собственными. Она осуществлялась путем защиты отечественных производителей от превосходящих их иностранных конкурентов с помощью ограничения импорта (поддержка новых отраслей промышленности) или жесткого регулирования деятельности иностранных компаний, работающих в пределах национальных границ. Правительства часто субсидировали производителей из частного сектора и создавали государственные предприятия в отраслях, в которые частные инвесторы не желали вкладывать средства из-за высокого риска.

Поскольку период массового обретения независимости колониями пришелся на 1945–1973 годы и позже, невозможно говорить об эффективности экономики развивающихся стран во время золотого века. Принятым компромиссным периодом для оценки экономических показателей развивающихся стран служат 1960–1980-е. По данным Всемирного банка, в течение этих десятилетий доход на душу населения в развивающихся странах увеличивался на 3 процента в год, то есть они шли в ногу с более развитыми государствами, рост аналогичного показателя в которых составлял 3,2 процента в год. «Чудо» экономики Южной Кореи, Тайваня, Сингапура и Гонконга заключалось в росте дохода на душу населения на 7–8 процентов в год в течение вышеназванного периода, что стало самым высоким темпом роста за всю историю человечества (сюда же нужно отнести опере-

дившую всех Японию и следующий за перечисленными странами Китай).

Следует отметить, что даже те развивающиеся регионы, которые показали медленный рост, все равно демонстрировали значительный прогресс в течение этого периода. В 1960–1980-е годы страны Центральной и Западной Африки с их ростом дохода на душу на 1,6 процента в год оставались наиболее медленно развивающимися регионами в мире; в Латинской Америке показатель роста был выше вдвое (и составлял 3,1 процента), а в Восточной Азии – более чем в три раза (5,3 процента). Тем не менее этими показателями не следует пренебрегать. Вспомните, что в ходе промышленной революции темп роста доходов на душу населения в Западной Европе составлял какой-то 1 процент.

Позиция золотой середины: лучше всего капитализм работает при соответствующем государственном регулировании

В золотой век капитализма вмешательство правительства существенно усилилось практически во всех областях во всех странах, за исключением международной торговли в самых богатых государствах. Несмотря на это, экономические показатели как в успешных, так и в развивающихся странах были намного лучше, чем раньше. Показатели того периода не удалось превзойти до сих пор – они начали ухудшаться с 1980-х годов, когда степень государственного вмеша-

ства значительно сократилась (об этом я расскажу чуть позже). Золотой век показал, что капитализм максимально раскрывает свой потенциал, если должным образом регулируется и стимулируется соответствующими действиями правительства.

«Междувластие» (1973–1979 годы)

Золотой век стал сходить на нет с прекращением конвертируемости доллара США в золото в 1971 году. Бреттон-Вудская система отказалась от старого золотого стандарта, признав, что он делает макроэкономическое управление слишком жестким, – последствия этого наглядно проявились во время Великой депрессии. Однако система все еще была намертво привязана к золоту, потому что доллар США, имевший фиксированный обменный курс со всеми другими основными валютами, свободно конвертировался в этот драгоценный металл (по 35 долларов за унцию⁷⁴). По всеобщему мнению, доллар тогда был «на вес золота», поскольку США выпускали около половины продуктов от всего мирового производства и повсюду наблюдалась острая нехватка долларов, так как все хотели купить американские вещи.

Послевоенное восстановление и дальнейшее быстрое развитие других стран привели к тому, что это предположение

---

⁷⁴ 1 унция = 28,35 г. *Прим. пер.*

утратило свою актуальность. Как только люди поняли, что доллар США вовсе не равнозначен золоту, у них появилось больше причин для обмена ассигнаций на драгоценный металл, что привело к существенному снижению золотого запаса США и сделало доллар гораздо менее привлекательным. Официальные обязательства США (долларовые банкноты и казначейские векселя – государственные облигации США), которые по номинальной стоимости до 1959 года стоили вдвое меньше золотого запаса страны, к 1967 году превзошли его в полтора раза⁷⁵.

В 1971 году США отказались от обязательства конвертировать любые долларовые требования в золото, вследствие чего в течение ближайших нескольких лет другие страны отошли от практики привязывания своей национальной валюты к доллару по фиксированным ставкам. В результате в мировой экономике возникла нестабильность: стоимость валюты начала колебаться в зависимости от рыночных настроений и стала намного более чувствительной к спекуляциям (когда инвесторы делали ставку на движение валюты вверх или вниз в стоимостном выражении).

Конец золотого века ознаменовался первым нефтяным кризисом в 1973 году, когда цены на нефть за ночь выросли в четыре раза из-за ценового сговора картеля производителей нефти ОПЕК (Организации стран – экспортеров нефти). С конца 1960-х годов во многих государствах показатели ин-

---

⁷⁵ Glyn et al., 'The rise and fall of the Golden Age', p. 98.

фляции медленно ползли вверх, теперь же из-за нефтяного кризиса они просто взлетели.

И главное – ближайшие несколько лет характеризовались **стагфляцией**. Этот недавно придуманный термин означает явление, нарушившее вековую закономерность в экономике, гласившую, что цены падают при рецессии (или стагнации) и растут во время бума. Теперь экономика стагнировала (хотя рецессия была не такой долгой, как во времена Великой депрессии), а цены быстро росли – на 10, 15 или даже 25 процентов в год⁷⁶.

Второй нефтяной кризис 1979 года добил золотой век капитализма, вызвав новый виток сильной инфляции и позволив неолиберальным правительствам прийти к власти в ключевых капиталистических странах, особенно в Великобритании и США.

Экономисты свободного рынка, которые критически относились к модели смешанной экономики, часто описывают тот период как абсолютную экономическую катастрофу, вводя всех в заблуждение. Увеличение доходов в развитых странах, возможно, и замедлилось по сравнению с золотым веком, однако темп роста на душу населения, в 1973–1980 годах равный 2 процентам, все-таки был значительно выше в сопоставлении с периодом Второй мировой войны (1,2–

---

⁷⁶ Средний уровень инфляции в Европе доходил до 15 процентов. В США он также превысил 10 процентов. Великобритания пострадала особенно сильно: темп инфляции в стране достиг почти 25 процентов в 1975 году. См. Dow, Major Recessions, p. 293, figure 8.5.

1,4 процента) и даже немного превышал аналогичный показатель, наблюдавшийся в последующие три десятилетия неолиберализма (1,8 процента в 1980–2010-х)⁷⁷. Уровень безработицы, в среднем составлявший 4,1 процента, был выше, чем во время золотого века, но не слишком (тогда работы не имело 3 процента трудоспособного населения)⁷⁸. Тем не менее факт остается фактом, экономическая деятельность данного периода вызвала достаточно недовольств, которые в итоге привели к радикальным изменениям, произошедшим в последующие годы.

Взлет и падение неолиберализма (с 1980-х по наши дни)

Железная Леди: Маргарет Тэтчер и конец британского послевоенного компромисса

Переломный момент наступил с избранием в 1979 году премьер-министром Великобритании Маргарет Тэтчер. Отказавшись от «сырого» компромисса тори⁷⁹ с лейбористами, достигнутого в послевоенный период, Тэтчер начала ра-

---

⁷⁷ Темп роста дохода на душу населения в развитых капиталистических странах составил 1,4 процента в 1870–1913 годы, 1,2 – в 1913–1950 годы и 3,8 процента на протяжении 1960–1970 годов. Данные взяты из Glyn et al., ‘The rise and fall of the Golden Age’, p. 42, table. 2.1.

⁷⁸ Glyn et al., ‘The rise and fall of the Golden Age’, p. 42, table. 2.1.

⁷⁹ Представители Консервативной партии Великобритании. *Прим. ред.*

дикальным образом устранять смешанную экономику, получив за свою бескомпромиссную позицию прозвище Железная Леди.

Правительство Тэтчер снизило высокую ставку подоходного налога, уменьшило государственные расходы (особенно в сфере образования, жилья и транспорта), установило законы, снижающие влияние профсоюзов, и упразднило **контроль над движением капитала** (ограничение по трансграничному обращению денег). Наиболее знаковым решением стала **приватизация** – продажи государственных предприятий частным инвесторам. Приватизации подлежали компании отрасли коммунальных услуг (газ, вода, электричество), сталеплавильные предприятия, авиакомпания, автомобильная промышленность и часть государственного жилья.

Процентные ставки правительство повысило в целях снижения инфляции путем уменьшения экономической активности и, следовательно, спроса. Высокая процентная ставка привлекала иностранный капитал, поднимая ценность фунта стерлингов, что, соответственно, делало британский экспорт неконкурентоспособным. В результате сокращения расходов населения и компаний началась глубокая рецессия, охватившая период 1979–1983 годов. Число безработных выросло до 3,3 миллиона человек – и это стараниями правительства, пришедшего к власти с критикой уровня безработицы при лейбористах Джеймса Каллахана, которые под лозунгом

Labour isn't working⁸⁰ (придуманным рекламным агентством Saatchi&Saatchi) довели количество безработных в Великобритании до свыше миллиона человек.

Во время экономического спада была разрушена огромная часть британской промышленности, уже страдавшей от снижения конкурентоспособности. Многие традиционные промышленные центры, например Манчестер, Ливерпуль и Шеффилд, а также районы добычи полезных ископаемых – Северная Англия и Уэльс – оказались опустошены, что было показано в таких фильмах, как «Дело – труба» (об угольщиках из Гримли, под которым подразумевался город Гриметорп в Йоркшире).

Актер: Рональд Рейган и преобразование экономики США

Рональд Рейган, в прошлом актер и бывший губернатор Калифорнии, стал президентом США в 1981 году и по своим достижениям превзошел Маргарет Тэтчер. Его правительство резко снизило максимальные ставки подоходного налога, объяснив, что подобное сокращение даст обеспеченным людям новые стимулы для инвестиций и создания богатства, поскольку они смогут получать большую часть плодов своих вложений. Рейган утверждал, что, способствуя производству большего объема материальных ценностей, бога-

---

⁸⁰ Двусмысленный слоган, который можно понимать и как «Лейборист не работает», и как «Труд не работает». *Прим. пер.*

тые люди будут также больше тратить, создавая новые рабочие места и обеспечивая более высокий доход для трудящихся. Этот подход получил название **теория «просачивания благ сверху вниз»**. В то же время правительство урезало субсидии бедным (особенно в отношении жилищного обеспечения), а минимальная заработная плата была заморожена, чтобы у рабочих появилось больше стимулов усерднее трудиться. Если вдуматься, в этом есть странная логика: почему, чтобы заставить усерднее работать, богатых нужно делать еще богаче, а бедных – еще беднее? Впрочем, сколь бы странным это ни казалось, эта своеобразная **экономика стимулирования предложения** стала основополагающим принципом экономической политики на ближайшие три десятилетия в США – и за их пределами.

Как и в Великобритании, процентные ставки здесь были повышены с целью уменьшить инфляцию. Между 1979-м и 1981 годом они выросли с 10 до свыше 20 процентов в год. Значительная часть обрабатывающей промышленности США, которая уже тогда теряла свои позиции по сравнению с японскими и другими иностранными конкурентами, не смогла справиться с таким ростом финансовых расходов. Традиционный промышленный центр на Среднем Западе превратился в «Ржавый Пояс»⁸¹.

---

⁸¹ Ржавый Пояс, или Индустриальный, или Фабричный Пояс, – часть Среднего Запада и восточного побережья США, где с начала промышленной революции и до 1970-х годов было сконцентрировано сталелитейное производство и другие отрасли американской тяжелой промышленности. В этом термине отражается

Финансовое дерегулирование в США в это время заложило фундамент для современной экономической системы. Стремительный рост случаев **недружественных поглощений**, когда одна компания присоединяется к другой против воли действующего руководства, изменило всю корпоративную культуру США. Многие из тех, кто способствовал поглощениям, были рейдерами, их интересовал только **вывод активов** (а именно продажи ценностей без оглядки на то, как это повлияет на долгосрочную жизнеспособность компании). Подобный подход увековечен в образе Гордона Гекко в фильме 1987 года «Уолл-стрит». Чтобы избежать такой участи, компаниям приходилось зарабатывать прибыль быстрее, чем раньше. В противном случае нетерпеливые акционеры могли начать распродавать свои доли, снижая цены на акции и подвергая бизнес опасности враждебного поглощения. Самым простым способом получить быструю прибыль для компаний была **оптимизация деятельности** – сокращение рабочих мест и минимизация инвестиций до уровня минимально необходимых для получения немедленных результатов, даже если эти действия снижали шансы компании в долгосрочной перспективе.

Долговой кризис и конец промышленной революции стран третьего мира

кризис региона, в особенности здешних сталелитейных заводов, в результате которого начиная с 1970-х годов сотни тысяч человек потеряли работу. *Прим. пер.*

Последствия политики высоких процентных ставок в США в конце 1970-х – начале 1980-х годов, иногда называемой шоком Волкера по имени тогдашнего председателя Федеральной резервной системы, дольше всего сказывались *не на США*, а на развивающихся странах. Большинство развивающихся стран брали много кредитов в 1970-х – начале 1980-х годов, частично для финансирования развития промышленности, частично для оплаты нефти, цена на которую возросла после нефтяных кризисов. Когда процентные ставки в США удвоились, то же произошло и с международными ставками кредитования, что привело к широкому распространению дефолта по внешним долгам в развивающихся странах, начиная с Мексики в 1982 году. Это событие известно как **Долговой кризис стран третьего мира**, получивший такое название потому, что развивающиеся страны назывались в то время третьим миром – после первого мира (развитых капиталистических стран) и второго мира (социалистического).

Сталкиваясь с экономическими кризисами, развивающиеся страны вынуждены были обратиться к Бреттон-Вудским учреждениям (МВФ и Всемирному банку). Те поставили условие: страны-заемщики обязаны были реализовать **программу структурных реформ (ПСР)**, которая требовала снижения роли государства в экономике за счет уменьшения бюджета, приватизации государственных предприятий и сокращения требований, особенно в области международной

торговли.

Результаты ПСР всех разочаровали, если не сказать хуже. Несмотря на осуществление необходимых «структурных» реформ, в большинстве стран в 1980-х и 1990-х годах произошло резкое замедление экономического роста. Темпы увеличения доходов на душу населения в Латинской Америке (в том числе в странах Карибского бассейна) рухнули с 3,1 процента в 1960–1980-х до 0,3 процента в 1980–2000-х. В странах Центральной и Западной Африки доход на душу населения в 2000 году оказался на 13 процентов ниже, чем в 1980-м. В результате прекратилась промышленная революция стран третьего мира – такое название использовал кембриджский экономист Аджит Сингх, чтобы описать опыт экономического роста развивающихся стран в первые несколько десятилетий после деколонизации.

Только Чили под диктатурой Пиночета (1974–1990) удалось извлечь пользу из неолиберальной политики 1980–1990-х, но за нее было заплачено множеством человеческих жизней⁸². Все остальные истории успеха этого периода относятся к странам, в которых широко применялась

---

⁸² Следует отметить, что чилийское правительство играло важную роль в экономике даже в неолиберальной фазе развития страны. Крупнейшая медедобывающая компания в мире CODELCO, национализированная в 1971 году левым правительством Альенде, осталась в государственной собственности. Ряд общественных и наполовину государственных органов, например Fundacion Chile, предоставили своим сельхозпроизводителям субсидированные технические консультации и помощь во внешнеторговом маркетинге.

политика государственного вмешательства, а либерализация происходила постепенно. Лучшими примерами этого служат Япония – «тигр» (или «дракон», как вам больше нравится) экономики Восточной Азии, и во все возрастающей степени Китай.

Стена рушится: крах социализма

В 1989-м произошли перемены, имевшие важнейшее историческое значение. В тот год начался развал Советского Союза и падение Берлинской стены. Германия объединилась (в 1990-м), а большинство стран Восточной Европы отказались от коммунистической идеологии. К 1991 году СССР распался на части. С 1978 года Китай медленно, но верно открывался миру, а его политика становилась все более либеральной. Вьетнам (объединенный под коммунистическим правлением в 1975 году) тоже провозгласил политику «открытых дверей» (Дой Мой) в 1986 году, так что социалистический лагерь сократился до буквально нескольких крайне консервативных государств, среди которых можно назвать Северную Корею и Кубу.

Проблемы экономики социалистических стран уже были хорошо известны: трудности в планировании все более разнотрановой экономики, проблемы стимулирования, вытекающие из слабых связей между производительностью труда и вознаграждением, и широко распространенное политически определенное неравенство в якобы равноправном обще-

стве (см. [главу 9](#)). Но мало кто, включая даже самых антисоциалистических обозревателей, предполагал, что блок разрушится так быстро.

Самая важная проблема заключалась в том, что страны социалистического блока пытались построить альтернативную экономическую систему, основанную, по сути, на второсортных технологиях. Конечно, в некоторых областях, например космических технологиях и технологиях производства вооружения, на мировом уровне они были ведущими (в конце концов, именно Советский Союз первым отправил человека в космос), благодаря невероятно большому количеству вкладываемых туда ресурсов. Однако когда стало очевидно, что своим гражданам СССР и его союзники могут предложить только продукт второго сорта – хорошим символом чего служит Trabant, автомобиль с пластиковым корпусом производства Восточной Германии, который после падения Берлинской стены быстро стал музейным экспонатом, – народ восстал.

Примерно в течение всего следующего десятилетия социалистические страны Восточной Европы сделали стремительный рывок, трансформируясь в капиталистические. Многие думали, что переход *можно осуществить* быстро. Ведь это, как всем казалось, всего лишь вопрос приватизации государственных предприятий и повторного введения рыночной системы – одного из самых «естественных» общественных институтов. Другие добавляли, что переход *дол-*

жен быть сделан быстро, чтобы не дать возможности до сих пор еще правящей элите перегруппироваться и помешать изменениям. Большинство стран стремительно провели реформы, пытаясь за ночь построить капитализм.

Эти действия привели, ни много ни мало, к катастрофе. Югославия распалась и погрязла в войнах и этнических чистках. Многие бывшие республики Советского Союза пережили глубокие кризисы. В России экономический коллапс и последовавшая за ним безработица вызвала такое количество случаев стресса, алкоголизма и других социальных проблем, что, по оценкам, за это время умерло на несколько миллионов человек больше, чем если бы страна продолжала придерживаться прежнего курса⁸³. Во многих государствах старая элита просто сменила костюмы и из партийных *аппаратчиков* превратилась в бизнесменов, стремительно богатая за счет приобретения государственных активов по бросовым ценам в результате коррупции и инсайдерских сделок в ходе приватизации. Странам Центральной Европы – Польше, Венгрии, Чехии и Словакии – повезло больше, особенно после их присоединения к Европейскому союзу в 2004 году, благодаря тому, что они были более последовательными в своих реформах и имели лучшую базу знаний. Но даже опыт перехода к капитализму этих стран трудно назвать большим успехом.

---

⁸³ Подробнее см. S. Basu and D. Stuckler, *The Body Economic: Why Austerity Kills* (London: Basic Books, 2013), chapter 2.

Крушение социалистического блока положило начало периоду «триумфа свободного рынка». Некоторые люди, например американский (в то время) неоконсервативный мыслитель Фрэнсис Фукуяма, заявляли о «конце истории» (нет, не о конце света) на том основании, что мы наконец окончательно поняли, что капитализм представляет собой лучшую экономическую систему. А тот факт, что у капитализма есть множество не похожих друг на друга форм, каждая из которых имеет свои сильные и слабые стороны, слепо игнорировался в состоянии эйфории того времени.

Готовы ли мы к единому миру: глобализация и новый мировой экономический порядок

К середине 1990-х годов неолиберализм распространился по всему земному шару. Большинство стран старого социалистического лагеря были поглощены капиталистической мировой экономикой либо через быстрые реформы, либо, как в случае с Китаем и Вьетнамом, через постепенное, но последовательное проведение политики открытости и сокращения объема вмешательства государства в экономику. К этому времени в большинстве развивающихся стран наблюдался прогресс в отношении открытости рынков и либерализации. Чаще всего он происходил быстро вследствие навязанных извне программ структурного развития, но в некоторых государствах, например в Индии, этот процесс развивался постепенно за счет добровольных политических изме-

нений.

В этот период были подписаны несколько важных международных соглашений, что ознаменовало начало новой эпохи глобальной интеграции. В 1994 году Канада, США и Мексика заключили соглашение НАФТА (Североамериканское соглашение о свободной торговле) – первый крупный договор о свободной торговле с участием развитых и развивающихся стран. В 1995 году был проведен Уругвайский раунд переговоров в рамках ГАТТ, который привел к расширению последнего в ВТО (Всемирную торговую организацию). Последняя охватывает очень многие области (например, права на интеллектуальную собственность, такую как патенты и товарные знаки, а также торговлю услугами) и имеет больше полномочий, чем было у ГАТТ. Экономическая интеграция в ЕС продвинулась дальше с завершением проекта «Единого рынка» (с так называемыми четырьмя свободами перемещения: продуктов, услуг, людей и денег) в 1993 году, с присоединением к Союзу в 1995 году Швеции, Финляндии и Австрии⁸⁴. В результате была создана международная система, гораздо более приспособленная к свободной (хоть и не полностью) торговле.

Примерно в это же время идея глобализации стала определяющей концепцией времени. Конечно, международная

---

⁸⁴ Сохраняя нейтралитет во время холодной войны, эти страны держались на расстоянии от ЕС, несмотря на то что территориально они находятся в Западной Европе.

экономическая интеграция длилась с XVI века, но, согласно последней интерпретации глобализации, данный процесс перешел на совершенно новый этап. Это случилось благодаря технологическим революциям в коммуникациях (интернет) и в транспортной сфере (авиация, контейнерные перевозки), которые привели к «смерти расстояния». По словам сторонников глобализации, теперь у государств не было другого выхода, кроме как принять новую реальность и полностью открыться для международной торговли и инвестиций, одновременно проводя либерализацию своей внутренней экономики. Над теми, кто сопротивлялся этой неизбежности, насмехались, называя их «современными луддитами», мечтающими возратить давно ушедшие времена и повернуть вспять технический прогресс (см. выше). Названия книг *The Borderless World* («Мир без границ»), «Плоский мир»⁸⁵ и *One World, Ready or Not* («Единый мир, готовы мы к нему или нет») хорошо характеризуют суть этого нового дискурса.

Начало конца: азиатский финансовый кризис

Эйфория конца 1980-х – начала 1990-х продлилась недолго. Первым признаком того, что не все в порядке с «дивным новым миром», был финансовый кризис 1995 года в Мексике. Слишком много людей вложили инвестиции в мексиканские финансовые активы, ожидая, что, полностью при-

---

⁸⁵ Фридман Т. Плоский мир. Краткая история XXI века. М.: АСТ, 2014.

няв политику свободного рынка и подписав НАФТА, это государство продемонстрирует следующее экономическое чудо. Мексику спасли правительства США и Канады (не желавшие краха своего нового партнера по свободной торговле), а также МВФ.

В 1997 году азиатский финансовый кризис принес еще больше потрясений. Ряд доселе успешных азиатских государств, так называемых стран МИТ (Малайзия, Индонезия и Таиланд), а также Южная Корея испытали финансовые трудности. Причиной стал лопнувший **пузырь активов** (цены на активы поднялись намного выше их реальной стоимости из-за нереалистичных ожиданий).

Несмотря на то что в открытии своих экономик эти страны были более осторожны, чем другие развивающиеся регионы, в конце 1980-х – начале 1990-х годов они слишком радикально открыли свои финансовые рынки. Избавившись от ограничений, их банки начали активно брать кредиты в богатых странах по низким процентным ставкам. В свою очередь, банки развитых государств не видели большого риска в кредитовании стран с многолетними отличными экономическими показателями. Поскольку приток иностранного капитала усиливался, цены на активы пошли вверх, что позволило компаниям и населению азиатских стран занимать еще больше, используя в качестве залога свои теперь уже более ценные активы. Вскоре это привело к беде, поскольку ожидание постоянного роста стоимости активов оправдыва-

ло дальнейшие займы и кредитование (звучит знакомо, не правда ли?). Когда впоследствии выяснилось, что цены на активы неустойчивы, деньги были отозваны, из-за чего и случились финансовые кризисы.

Азиатский кризис оставил глубокий шрам на пораженных странах. В экономике, где рост в 5 процентов на душу населения считался рецессией, в 1998 году объем производства *сократился* на 16 процентов в Индонезии и на 6–7 процентов в других странах. Десятки миллионов человек остались без работы – а ведь в этих странах отсутствие работы означает нищету, учитывая неразвитость системы социального обеспечения.

Пораженным кризисом азиатским странам в обмен на финансовую помощь от МВФ и преуспевающих государств пришлось согласиться на многие изменения в политике, нацеленные на либерализацию их рынков, особенно финансовых. И хотя в итоге экономика этих стран приняла более рыночно ориентированное направление, азиатский кризис – а также бразильский и российский, которые немедленно последовали за ним, – фактически заронили первое семя скептицизма в отношении триумфа свободного рынка в период окончания холодной войны. В то время велись серьезные дискуссии о необходимости реформирования мировой финансовой системы, многие придерживались тех же идей, которые, как мы видели, обсуждались после мирового финансового кризиса 2008 года. Даже главные сторонники гло-

бализации, например обозреватель Financial Times Марин Вулф и экономист и сторонник свободной торговли Джагдиш Бхагвати, стали сомневаться в том, насколько разумно допускать на свой рынок свободные потоки иностранного капитала. Не все оказалось так уж хорошо с новой глобальной экономикой.

Ложный рассвет: от бума интернет-компаний до эпохи великого успокоения

Когда эти кризисы удалось преодолеть, разговоры о глобальной финансовой реформе прекратились. В 1999 году США пережили мощный толчок в другом направлении, явившийся в форме отмены знаменитого законодательства Нового курса и закона Гласса – Стиголла 1933 года, структурно разделявшего коммерческие и инвестиционные банки.

Еще один повод для паники случился в 2000 году, когда в США лопнул так называемый пузырь доткомов (интернет-компаний), предпосылкой чему послужил неоправданный рост стоимости акций этих компаний, не имеющих ни малейших перспектив получить хоть какую-нибудь прибыль в обозримом будущем. Паника вскоре отступила, когда вмешалась Федеральная резервная система США и резко снизила процентные ставки, а центральные банки других развитых стран последовали ее примеру.

В первые годы нового тысячелетия стало казаться, что в

богатых странах, особенно в США, все идет как по маслу. Рост был надежным, если не сказать превосходным. Казалось, что цены на активы (недвижимость, акции компаний и так далее) продолжают вечно двигаться исключительно вверх. Инфляция оставалась низкой. Экономисты – в том числе Бен Бернанке, председатель Федеральной резервной системы в период с февраля 2006-го по январь 2014 года, – говорили о «великом успокоении», о том, что экономическая наука наконец-то победила **цикл «бум – спад»** (или движение экономики вверх-вниз в большом диапазоне). Алана Гринспена, председателя Федеральной резервной системы с августа 1987-го по январь 2006 года, глубоко уважали и называли Маэстро (что было увековечено в названии его биографии, написанной Бобом Вудвордом) – этот человек с мастерством алхимика управлял постоянным экономическим бумом, не разжигая инфляции и не навлекая финансовых проблем.

В середине 2000-х годов остальной мир наконец почувствовал последствия «чудесного» роста Китая, происходившего в течение предыдущих двух десятилетий. В 1978 году, в начале экономической реформы, на китайскую экономику приходилось всего 2,5 процента мировой экономики⁸⁶. Эта страна очень слабо влияла на остальной мир: ее

---

⁸⁶ В 1978 году Китай выпустил продукцию примерно на 219 миллиардов долларов. В тот год мировой объем производства оценивался около 8549 миллиардов долларов. Рассчитано на основе данных Всемирного банка, приведенных в Докладе о мировом развитии в 1980 году (World Development Report 1980, Washington, DC: World Bank, 1980), pp. 110-11, table 1.

доля в общемировом экспорте продуктов составляла всего лишь 0,8 процента⁸⁷. К 2007 году соответствующие показатели возросли до 6 и 8,7 процента⁸⁸. Относительно плохо обеспеченный природными ресурсами, с головокружительной скоростью прирастая населением, Китай начал высасывать продукты питания, полезные ископаемые и топливо из остальной части мира, а влияние его растущего веса в мировом масштабе теперь ощущалось все сильнее.

Это дало толчок развитию стран – экспортеров природных ресурсов из Африки и Латинской Америки, позволив им частично отвоевать позиции в мировой экономике, утраченные в 1980–1990-х. Китай тоже стал основным кредитором и инвестором для ряда африканских государств, предоставив им некоторые рычаги влияния для переговоров с Бреттон-Вудскими учреждениями и традиционными финансовыми донорами, такими как Соединенные Штаты и страны Европы. Что касается Латинской Америки, в этот период там наблюдался отход от неолиберальной политики, которая в некоторых странах совершенно не оправдывала

---

⁸⁷ World Development Report 1980, Washington, DC: World Bank, 1980), pp. 110–11, table 8.

⁸⁸ В 2007 году ВВП Китая составлял 3280 миллиардов долларов, а мировой ВВП – 54 347 миллиардов долларов, согласно Докладу о мировом развитии 2009 года: World Bank, World Development Report 2009 (New York: Oxford University Press, 2009), pp. 356–7, table 3. Экспорт продуктов из Китая составил 1218 миллиардов долларов, тогда как во всем мире он равнялся 13 899 миллиардов долларов (World Development Report 1980, Washington, DC: World Bank, 1980), pp. 358–9, table 4).

возложенных на нее ожиданий. Самыми яркими примерами были Бразилия (во главе с президентом Луисом Инасиу Лула да Силвой), Боливия (с Эво Моралесом), Венесуэла (с Уго Чавесом), Аргентина (с Нестором Киршнером), Эквадор (с Рафаэлем Корреа) и Уругвай (с Табаре Васкесом).

Трещина в стене: мировой финансовый кризис 2008 года

В начале 2007 года в набат били только те, кто был обеспокоен погашением (или непогашением) ипотечных кредитов, которые стыдливо называли субстандартными (читай: с высоким риском невозврата), выданных американскими финансовыми компаниями во время последнего бума жилищного строительства. Люди с небезупречными кредитными историями, не имевшие стабильного дохода, одолжили больше денег, чем сумели бы вернуть, в надежде, что цены на жилье продолжат расти. Тогда им удалось бы погасить свои кредиты, в крайнем случае после продажи дома. Кроме того, тысячи и даже сотни тысяч таких рискованных ипотечных кредитов были объединены в «структурированные» финансовые продукты, такие как MBS и CDO (сейчас вам необязательно знать, что это такое, подробнее об этом рассказывается в [главе 8](#)), и проданы как активы с низким уровнем риска – якобы вероятность для большей части заемщиков одновременно оказаться в трудной ситуации была значительно ниже, чем для отдельных заемщиков.

Первоначально проблемные ипотечные кредиты в США были оценены в 50–100 миллиардов долларов – сумма не маленькая, но не выходящая за пределы того, что легко может принять система (по крайней мере, так многие утверждали в то время). Тем не менее летом 2008 года кризис разразился по всем правилам, с банкротством инвестиционных банков Bear Stearns, а затем Lehmann Brothers. Мир охватила паника. Даже самые уважаемые люди в финансовом секторе оказались в большой беде, потому что произвели и купили огромное количество сомнительных структурированных финансовых продуктов.

«Кейнсианская весна» и возвращение идеологии свободного рынка с удвоенной силой

Первоначально реакция ключевых стран очень отличалась от их поведения после Великой депрессии. Они применили кейнсианскую макроэкономическую политику, в том смысле, что допустили огромный дефицит бюджета, чтобы исправить ситуацию – по крайней мере, отказавшись от сокращения расходов пропорционально снижению налоговых поступлений, а в некоторых случаях даже за счет увеличения государственных расходов (Китай использовал эту политику наиболее агрессивно). Основные финансовые учреждения, например британский Royal Bank of Scotland, и промышленные предприятия, GM и Chrysler в США, выстояли за счет государственных средств. Центральные банки сни-

зили процентные ставки до исторического минимума – например, Банк Англии довел их до самого низкого уровня с момента своего основания в 1694 году. Осознав невозможность дальнейшего снижения процентных ставок, они занялись тем, что называется **количественным смягчением денежно-кредитной политики**, то есть когда, по сути, центральный банк создает деньги из воздуха и выпускает их в экономику в основном за счет покупки государственных облигаций.

Вскоре, однако, свободный рынок развернулся с удвоенной силой. Май 2010 года стал поворотным моментом. Избрание коалиционного правительства во главе с консерваторами в Великобритании и введение еврозоной программы помощи Греции в этом же месяце ознаменовали возвращение старой доктрины сбалансированного бюджета. В Великобритании и так называемых странах PIGS⁸⁹ (Португалии, Италии, Ирландии, Греции и Испании) приняли бюджет жесткой экономии, в котором были значительно сокращены расходы. Давление республиканцев на правительство Обамы в США с требованием принять в 2011 году программу значительного сокращения расходов возымело успех; возвращение к ошибочной политике бездефицитного бюджета в основных европейских странах, зафиксированное в подписанном в 2012 году Соглашении о бюджетно-налоговой стабиль-

---

⁸⁹ PIGS – условное обозначение для государств – членов еврозоны с плохим экономическим положением. *Прим. пер.*

ности (European Fiscal Compact), усугубило ситуацию. Во всех названных странах, особенно в Великобритании, правые политические партии даже использовали аргумент балансирования бюджета в качестве предлога для значительного урезания социальных расходов, то есть оправдания своего давнишнего требования.

Последствия: потерянное десятилетие?

Кризис 2008 года привел к разрушительным последствиям, и конца им еще не видно. Через четыре года после него, в конце 2012-го, доход на душу населения оставался ниже, чем в 2007-м в 22 из 34 стран, входящих в ОЭСР (Организацию экономического сотрудничества и развития)⁹⁰ – парижский клуб богатых государств⁹¹ (с горсткой развивающихся стран-участниц). Если исключить влияние инфляции, то ВВП на душу населения в 2012 году был ниже уровня 2007 года на 26 процентов в Греции, на 12 процентов в Ирландии, на 7 процентов в Испании и на 6 процентов в Великобритании. Даже в США, которые, как говорят, после кри-

---

⁹⁰ ОЭСР была основана в 1961 году и включает в себя большинство стран Западной Европы, Турцию, США и Канаду. К середине 1970-х годов к ней присоединись Япония, Финляндия, Австралия и Новая Зеландия. С середины 1990-х годов в ее состав вошли несколько бывших социалистических государств, например Венгрия и Эстония, и некоторые богатые развивающиеся страны – Мексика и Чили.

⁹¹ Штаб-квартира организации располагается в Шато де ла Мюетт в Париже.
Прим. пер.

зиса восстановились лучше, чем другие страны, доход на душу населения в 2012 году по-прежнему оставался на 1,4 процента ниже уровня 2007 года⁹².

В условиях жесткой экономии бюджета перспектива восстановления экономики для многих из этих стран была очень зыбкой. Проблема заключается в том, что радикальное сокращение государственных расходов на этапе стагнации или даже сокращения масштабов экономики сдерживает восстановление. Мы уже видели это во время Великой депрессии. В результате может пройти большая часть десятилетия, прежде чем многие из этих стран вернутся к уровню 2007 года. Сейчас они вполне способны находиться в середине «потерянного десятилетия», которое пережила Япония в 1990-х годах, а Латинская Америка – в 1980-х.

Считается, что последний кризис привел к появлению в мире 80 миллионов новых безработных. В Испании и Греции безработица подскочила с примерно 8 процентов до кризиса до 26 и 28 процентов соответственно по состоянию на лето 2013 года. Уровень безработицы среди молодежи составляет более 55 процентов. Даже в странах, где проблемы стоят не столь остро, таких как США и Великобритания, официальный уровень безработицы достиг 8–10 процентов.

---

⁹² На момент написания книги (то есть на начало января 2014 года) данные за 2013 год были еще недоступны, но, по временной оценке, сделанной на основе данных ОЭСР в третьем квартале 2013 года, доход на душу населения оставался ниже, чем в 2007 году, у 19 из 34 стран – членов ОЭСР.

Слишком мало и слишком поздно? Перспективы реформы

Несмотря на масштабы кризиса, политических реформ долго не было; хотя причина кризиса лежит в чрезмерной либерализации финансового рынка, финансовые реформы оказались довольно мягкими и внедряются очень медленно (они тянутся уже несколько лет, тогда как у американских банков был всего год, чтобы справиться с гораздо более жесткими финансовыми реформами Нового курса). Есть также области финансов, такие как торговля очень сложными финансовыми продуктами, где даже мягкие и медленные реформы все еще не начались.

Конечно, эту тенденцию можно обратить вспять. Даже после Великой депрессии в США и Швеции реформы начали проводить только через несколько лет экономического спада и лишений. Действительно, весной 2012 года избиратели в Нидерландах, Франции и Греции проголосовали против партий, выступавших за жесткую экономию, а итальянцы поступили так же в 2013 году. ЕС ввел некоторые финансовые правила, немного более жесткие, чем те, которые, вероятно, представляют себе многие люди (например, налог на финансовые транзакции, ограничения на бонусы в финансовом секторе). Швейцария, которую часто считают убежищем сверхбогатых людей, в 2013 году приняла закон, по которому запрещается выплачивать крупные денежные вознаграждения руководителям, чьи предприятия показали среднюю

производительность. Несмотря на то что еще многое необходимо сделать в рамках финансовой реформы, до кризиса такое развитие событий считалось бы невозможным.

Глава 4. Пусть расцветают сто цветов: как «делать» экономику

Покупатель может получить автомобиль любого цвета – при условии, что этот цвет – черный.

Генри Форд

Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ.

Мао Цзэдун

Одно кольцо, чтоб править ими всеми? Разнообразие подходов к экономике

Вопреки тому, в чем пытаются всех убедить большинство экономистов, существует не только одно направление экономики – неоклассическое. В этой главе я познакомлю вас с еще как минимум девятью направлениями, или школами, как их часто называют⁹³. Однако эти школы нельзя считать

---

⁹³ На самом деле их даже больше, если считать и мелкие школы (например, неорикардиянскую, латиноамериканскую, структуралистскую, феминистскую, экологическую экономику). А если выделять в независимые единицы некоторые субшколы, например различные ответвления девелопменталистской традиции, то школ станет еще больше.

непримиримыми врагами, границы между ними на самом деле размыты⁹⁴. Важно понимать, что есть различные концептуальные модели и объяснения экономики – или «делания» экономики, если хотите. И ни одна из них не имеет права претендовать на превосходство или заявлять о монополии на истину.

Одна из причин этого – сама природа теории. Все теории, в том числе естественные науки, такие как физика, обязательно учитывают абстрактные понятия и, следовательно, не могут охватить все аспекты сложной структуры реального мира⁹⁵. Это означает, что ни одна теория не способна объяснить все. Каждая обладает сильными и слабыми сторонами в зависимости от того, что в ней подчеркивается и игнорируется, как она объясняет различные вещи и анализирует отношения между ними.

Не существует теории, способной объяснить все лучше, чем другие, или «одного кольца, чтоб править ими всеми»⁹⁶ (поклонник «Властелина колец» поймет, о чем идет речь).

---

⁹⁴ Карл Менгер считается отцом-основателем австрийской школы, но некоторые справедливо отметили бы, что вместе с Леоном Вальрасом и Уильямом Джевансом он стоял у истоков неоклассической школы. Еще более сложно говорить о Фрэнке Найте, экономисте начала XX века, преподавателе Чикагского университета. Нередко его причисляют к австрийской школе – но не из-за национальности, так как он был американцем. Однако на Найта значительное влияние оказала институционалистская школа, а некоторые его идеи пересекаются с кейнсианской школой и бихевиоризмом.

⁹⁵ Физики безуспешно пытались создать то, что они называют «теорией всего».

⁹⁶ «...одно кольцо, чтобы собрать их всех и в темноте связать их».

К этому следует добавить, что, в отличие от предметов, изучаемых натуралистами, люди имеют свободную волю и воображение. Они не просто реагируют на внешние условия, а пытаются – и часто успешно – изменить эти самые условия, представляя себе утопию, убеждая других и по-разному организуя общество; как однажды выразительно сказал Карл Маркс, «люди сами делают свою историю»⁹⁷. Прогностические возможности любой науки, предмет изучения которой – люди, достаточно скромны.

В отличие от естественных наук, экономика включает в себя оценочные суждения, хотя многие последователи неоклассической школы скажут вам, будто они делают науку, *свободную от оценочных суждений*. В следующих главах я покажу вам, каким образом за техническими принципами и сухими цифрами кроются всевозможные оценочные суждения, например: что такое хорошая жизнь; как должно учитываться мнение меньшинства; как следует определять социальные улучшения; наконец, какие способы достижения «высшего блага», чем бы оно ни было, этически приемлемы⁹⁸. Даже если одна теория кажется более «правильной»

---

⁹⁷ Впрочем, он тут же добавил, что «они делают это в обстоятельствах, которые выбрали не они сами», подчеркнув, что мы меняем нашу среду, но при этом сами являемся ее продуктами.

⁹⁸ Йозеф Шумпетер подчеркивал, что любому анализу в экономике предшествует преаналитический когнитивный акт, называемый видением, в котором аналитик «представляет определенный набор ожидаемых явлений как заслуживающих внимания объектов для его аналитических усилий». Ученый отмечал,

с точки зрения каких-то политических или нравственных принципов, это не значит, что ее можно считать такой же в остальных отношениях.

Коктейли или весь бар? Как читать эту главу

Хотя сейчас самое время познакомить вас с различными школами экономики, я отдаю себе отчет, что если бы вас неожиданно попросили попробовать десять различных сортов мороженого, тогда как вы были бы уверены, что оно может иметь только ванильный вкус, – это вызвало бы у вас растерянность.

Во многом я буду упрощать свой рассказ, но некоторым читателям что-то все равно может показаться слишком сложным. Чтобы помочь им, я стану предварять описание каждой школы кратким резюме из одного предложения. Конечно, эти резюме будут слишком упрощенными, но, по крайней мере, они помогут вам преодолеть начальный страх, как тот, что возникает, когда вы отправляетесь в новый город без карты или, точнее, без смартфона.

Даже тем, кто готов узнать о существовании более чем одной школы, может показаться, что девять – это слиш-

---

что «такое видение почти по определению идеологическое», поскольку «то, как мы видим вещи, вряд ли отличается от того, каким образом мы хотим их видеть». Цит. по: Шумпетер Й. А. История экономического анализа в 3 т. СПб.: Эконом. шк., 2001. Спасибо Уильяму Милбергу за то, что он обратил на нее мое внимание.

ком много. Я согласен. Для таких читателей во врезке ниже я приготовил несколько «коктейлей», составленных из двух-четырех школ, каждый из них полно охватывает конкретные вопросы. Некоторые из этих «коктейлей», такие как КлМШИ или КлК, будут похожи на «Кровавую Мэри» с большим количеством соуса «Табаско»⁹⁹, поскольку между школами существуют разногласия. Другие, например МД-КИ или КлМДШ, на вкус могут напоминать «Плантаторский пунш»¹⁰⁰ с различными ароматическими добавками, дополняющими друг друга. Надеюсь, что после дегустации одного-двух коктейлей вы, возможно, захотите воздать должное остальным напиткам в баре. Но даже если вы не пожелаете попробовать их все, дегустация хотя бы двух уже покажет вам, что существует больше одного способа «делать» экономику.

«Экономические коктейли»

Ингредиенты	А,	Б,	Д,	И,	К,	Кл,
М,	Н	и	Ш	–	это	австрийская
школа,	бихевиоризм,	девелопменталистская,				
институциональная,	кейнсианская,	классическая,				
марксистская,	неоклассическая	и шумпетерианская				

---

⁹⁹ Табаско – жгучий соус из плодов кайенского перца, уксуса и соли, обязательный ингредиент коктейля «Кровавая Мэри». *Прим. пер.*

¹⁰⁰ Пунш из рома, лимонного сока, сахара, воды или содовой. *Прим. пер.*

школы соответственно.

- Чтобы ощутить вкус расхождения взглядов на важность и жизнеспособность капитализма, возьмите КЛМШИ.

- Чтобы узнать различные определения человека, выпейте НАБ.

- Если вы хотите понять, как в теории определяются группы, и особенно классы, примите КЛМКИ.

- Чтобы понять экономические системы целиком, а не только их компоненты, возьмите МДКИ.

- Если вам интересно исследовать взаимодействие людей и общества, для вас есть АНИБ.

- Чтобы узнать различные способы защиты свободного рынка, выберите КЛАН.

- Если вы хотите понять, почему иногда необходимо вмешательство государства, ваш напиток – НДК.

- Чтобы узнать, что для экономики намного важнее, чем рынки, возьмите МИБ.

- Хотите понять, как развиваются технологии и повышается продуктивность, для вас – КЛМДШ.

- Если вы стремитесь узнать, почему существуют корпорации и как они работают, рекомендую попробовать ШИБ.

- Чтобы углубиться в споры о безработице и рецессии, возьмите КЛК.

Предупреждение о вреде для здоровья: ни в коем случае не пейте напиток, состоящий только из одного ингредиента, – это может привести к туннельному зрению, высокомерию и даже к смерти мозга.

Классическая школа

С помощью конкуренции рынок держит всех производителей в состоянии боевой готовности, поэтому оставьте его в покое.

Сегодня доминирует неоклассическая школа. Как вы уже догадались, классическая экономическая теория предшествовала неоклассической, из которой последняя и появилась (хотя марксистская школа имеет равное право утверждать, что именно она правопреемница классической; ниже я объясню почему).

Классическая школа экономики – или, точнее, классическая школа **политической экономики**, как она тогда называлась, – возникла в конце XVIII века и господствовала до конца XIX века. Ее основатель – Адам Смит; о нем мы уже говорили. Идеи Смита получили дальнейшее развитие в начале XIX века у трех современников: Давида Рикардо (1772–1823), Жана-Батиста Сэя (1767–1832) и Роберта Мальтуса (1766–1834).

Невидимая рука, закон Сэя и свободная торговля: ключевые аргументы классической школы

Согласно классической школе, стремление к удовлетворению личных интересов отдельных хозяйствующих субъектов приводит к выгодному результату для общества в ви-

де создания максимального национального богатства. Такой парадоксальный результат стал возможным благодаря силе конкуренции на рынке. В своих попытках получить прибыль производители стремятся поставлять более дешевые и качественные продукты, в конечном счете выпуская их с минимально возможными издержками, максимизируя тем самым общий объем продукции, произведенной в данной стране. Эта идея известна под названием **невидимой руки** и стала, пожалуй, наиболее влиятельной метафорой в экономике, хотя сам Смит использовал ее всего раз в книге «Богатство наций» и не признавал за ней важной роли в своей теории¹⁰¹.

Большинство экономистов классической школы верили в так называемый закон Сэя, согласно которому предложение создает собственный спрос. Его обоснованием выступало то, что каждая экономическая деятельность приносит доходы (заработную плату, прибыль и прочее), эквивалентные стоимости продукта. Таким образом, по их утверждению, рецессии из-за нехватки спроса быть не может. Любая рецессия вызывается внешними факторами, например войной или банкротством крупного банка. Поскольку рынок не способен самостоятельно генерировать рецессию, любые попытки правительства бороться с ней, скажем, с помощью умышлен-

---

¹⁰¹ Смиуту, в отличие от большинства других экономистов классической школы, было известно, что у людей есть другие мотивы, кроме своекорыстия, например: сочувствие, страсть и приверженность социальным нормам. Эти мотивы были главными объектами «Теории нравственных чувств» – книги, дополняющей «Богатство наций».

но дефицитного финансирования, осуждались как нарушение естественного порядка вещей. Следовательно, все экономические спады, которые можно было сократить или смягчить, во времена доминирования классической экономики, наоборот, продлевались.

Классическая школа отвергала любые попытки со стороны правительства ограничить свободный рынок, например, с помощью протекционизма или регулирования. Рикардо разработал новый подход к международной торговле, известный как теория **сравнительного преимущества**, который продолжал поддерживать доводы в пользу свободной торговли. Его теория показала, что при определенных обстоятельствах, даже когда одна страна имеет более высокие издержки при производстве всех продуктов, чем другая, свободная торговля между ними позволит обоим максимизировать объем производимой продукции. Добиться этого можно с помощью специализации на производстве тех видов продуктов, по которым каждая страна обладает *сравнительным* преимуществом по издержкам, и их последующего экспорта. Это означает, что страна с более высокой производительностью труда должна производить те продукты, по которым у нее есть преимущество в издержках по сравнению с другой страной; а страна с меньшей производительностью труда должна специализироваться на том, в чем ее проигрыш по издержкам относительно меньше, чем по другим¹⁰².

---

¹⁰² Таким образом, слово «сравнительный» здесь относится к сравнению между

Классическая школа рассматривает капиталистическую экономику как экономику, созданную, по словам Рикардо, из «трех классов общества»: капиталистов, рабочих и землевладельцев. Сторонники этой школы, в особенности сам Рикардо, подчеркивали, что в долгосрочной перспективе каждый заинтересован в том, чтобы наибольшую долю национального дохода (то есть прибыль) получал класс капиталистов, потому что только он инвестирует и создает экономический рост; рабочий класс слишком беден, чтобы сохранять и вкладывать средства, а класс землевладельцев использует свой доход (арендную плату) на «непродуктивное» расточительство, например на наем прислуги. Рикардо и его последователи утверждали, что рост численности населения Великобритании вынуждает к возделыванию земли все более низкого качества и к постоянному повышению арендной платы на плодородные земли. Вследствие чего доля прибыли постепенно уменьшается, угрожая инвестициям и росту. Рикардо рекомендовал отменить защиту производителей зерна («Хлебные законы» Великобритании того времени) и импортировать более дешевую еду из стран, где по-прежнему была доступна плодородная земля, чтобы рентабельность производства, а значит, и способность экономики инвестировать

продуктами, которые государство потенциально способно производить. Вероятность того, что одна из стран может быть эффективнее другой при производстве какого-нибудь продукта, уже нашла отражение в слове «преимущество». Познакомиться с теорией в деталях вы можете в главе 3 моей книги «Злые самаритяне» (Bad Samaritans).

и расти сохранялась.

Классовый анализ и сравнительные преимущества: актуальность классической школы сегодня

Несмотря на то что классическая школа относится к старым школам и сегодня у нее совсем немного сторонников, ее принципы актуальны и в наше время. Принцип формирования экономики из классов, а не отдельных граждан позволяет увидеть, насколько сильно поведение человека зависит от его места в системе производства. Тот факт, что маркетологи все еще прибегают к классовым категориям при разработке своих стратегий, показывает, что это по-прежнему очень актуальный критерий, хотя большинство ученых-экономистов могут не использовать данную концепцию или даже активно отрицать ее существование.

Теория сравнительных преимуществ Рикардо, хотя и довольно ограниченная по причине статичного характера и предположения о неизменности уровня технологического развития, все еще представляет собой одну из лучших теорий международной торговли. Она более реалистична, чем неоклассическая версия – теория Хекшера – Олина – Самуэльсона (далее ХОС), которая сейчас доминирует¹⁰³. Теория ХОС предполагает, что все страны технологически и органи-

---

¹⁰³ Теория названа в честь Эли Хекшера и Бертила Олина, двух шведских экономистов, разработавших идею, а также Пола Самуэльсона, американского экономиста (и автора самого известного учебника по экономике XX века), который ее усовершенствовал.

зационно способны производить любые продукты. Они выбирают специализацию только потому, что для разных продуктов необходимы различные комбинации труда и капитала, обеспечение которыми не везде одинаково. Это предположение приводит к нереалистичным выводам: например, если Гватемала не производит автомобили BMW, то не потому, что не может, а потому, что ей это экономически невыгодно, учитывая, что для производства машин нужно много капитала и мало рабочей силы, в то время как в Гватемале наблюдается обратная ситуация.

Иногда неверные, иногда устаревшие: ограничения классической школы

Некоторые из теорий классической школы были просто неверны. Ее приверженность закону Сэя привела к тому, что она оказалась не в состоянии справиться с макроэкономическими проблемами (такими, от которых зависит общее состояние экономики, например с рецессией или безработицей). Классическая теория рынка на микроэкономическом уровне (а именно на уровне отдельных субъектов экономической деятельности) тоже была сильно ограничена. Не существовало теоретических инструментов, позволяющих объяснить, почему полностью свободная конкуренция на рынке не дает ожидаемых социально желательных результатов.

Некоторые теории классической школы, даже верные с

логической точки зрения, сегодня мало применимы, потому что они разрабатывались для мира, который очень отличался от нашего. Множество «железных» законов перестали быть таковыми. Например, экономисты классической школы считали, что рост населения поднимет стоимость аренды сельскохозяйственной земли и снизит промышленные прибыли до такой степени, что инвестиции могут прекратиться. Но они не знали (да и откуда им было знать?!), насколько сильно разовьется технология в сфере производства продуктов питания и контроля рождаемости.

Неоклассическая школа

Люди знают, что делают, поэтому оставьте их в покое – за исключением случаев сбоя в работе рынков.

Неоклассическая школа родилась в 1870-х годах из работ Уильяма Джевонса (1835–1882) и Леона Вальраса (1834–1910). После публикации «Принципов экономической науки»¹⁰⁴ Альфреда Маршалла в 1890 году неоклассическая школа заняла прочную позицию.

Во времена Маршалла неоклассическим экономистам удалось изменить название дисциплины с традиционной политической экономии на экономическую теорию. Это свидетельствовало о том, что неоклассическая школа хотела, что-

---

¹⁰⁴ Маршалл А. Принципы экономической науки. В 3 т. М.: Прогресс, 1993.

бы ее анализ был чистой наукой, лишенной политических (а следовательно, и этических) факторов, включающих субъективные оценочные суждения.

Факторы спроса, индивидуумы и обмен: отличия от классической школы

Неоклассическая школа утверждала, что она интеллектуальная наследница классической, но чувствует свою особость в достаточной мере, чтобы добавить приставку «нео».

Основные отличия заключаются в следующем: неоклассическая школа подчеркивала роль спроса (производной от субъективной оценки продуктов покупателями) в определении стоимости товара. Классические экономисты считали, что стоимость продукта определяется факторами предложения, то есть затратами на его изготовление. Они измеряли рабочее время, необходимое для производства, – этот подход известен как **трудовая теория стоимости**. Неоклассическая экономическая теория подчеркивала, что стоимость (которую здесь называли ценой) продукта также зависит от того, насколько продукт нужен потенциальным покупателям; тот факт, что нечто трудно производить, не означает, что данная вещь более ценная. Маршалл уточнил эту идею, утверждая, что условия спроса значат больше при определении цены в краткосрочной перспективе, когда предложение нельзя изменить, в то время как факторы предложения значат больше в долгосрочной перспективе, когда в производ-

ственные объекты можно сделать больше инвестиций (или вывести капитал) для получения большего (или меньшего) количества продуктов, спрос на которые вырос (или упал).

Школа рассматривала экономику как совокупность рациональных и эгоистичных индивидуумов, а не классов, как в классической школе. Индивидуум, согласно неоклассической экономике, – это довольно однобокое существо, «машина удовольствий», как его называли, нацеленная на максимизацию удовольствия (**полезности**) и минимизацию боли (**неудобства**), как правило, в узко определенных материальных условиях. Как вы узнаете из главы 5, это существенно ограничивает объяснительную силу неоклассической экономики¹⁰⁵.

Неоклассическая школа сместила фокус с производства на потребление и обмен. С точки зрения классической школы, особенно Адама Смита, производство находилось в центре экономической системы. Как мы видели в главе 2, Смит очень интересовал вопрос, как изменения в организации производства преобразовывают экономику. Согласно его представлению об истории, общества развиваются поэтапно, в соответствии с господствующей формой производ-

---

¹⁰⁵ Возвышение индивидуума неоклассической школой выходит за рамки определения субъектов экономической деятельности как индивидуумов, а не классов. Большинство представителей школы разделяют веру в методологический индивидуализм, то есть в то, что научное объяснение любого коллективного образования, в том числе экономики, должно быть основано на его разложении на наименьшие единицы, то есть индивидуумов.

ства: охотой, скотоводством, сельским хозяйством и торговлей (эта идея получила дальнейшее развитие у Карла Маркса, о чем я расскажу позже). В противоположность этому неоклассическая школа рассматривала экономическую систему, по сути, как сеть товарообмена, единолично управляемую «суверенными» потребителями. Велись лишь небольшие споры о том, как организованы и как меняются существующие процессы производства.

Эгоистичные индивидуумы и самоуравновешивающиеся рынки: сходства с классической школой

Несмотря на эти различия, неоклассическая школа унаследовала и развила две ключевые идеи классической школы. Первая – уверенность в том, что субъектами экономической деятельности движет личный интерес и что конкуренция на рынке гарантирует, что их действия в совокупности ведут к благоприятному исходу для общества. Вторая идея заключается в том, что капитализм – или, точнее, рыночная экономика, как предпочитали называть его сторонники этой школы, – есть система, которую лучше оставить в покое, поскольку она имеет склонность возвращаться к равновесию.

Постулат неоклассической школы о невмешательстве в работу рынка в дальнейшем получил развитие в важных теоретических разработках начала XX века, направленных на то, чтобы дать нам возможность объективно судить о социальных улучшениях. Вильфредо Парето (1848–1923) утвер-

ждал, что если мы уважаем право каждого независимого индивидуума, то должны рассматривать социальные изменения как улучшения только тогда, когда они приносят пользу одним людям, не причиняя при этом вреда другим. Больше не должно быть жертв во имя «высшего блага». Этот принцип получил название **критерий Парето**, и сегодня он составляет основу для всех суждений относительно социальных улучшений в неоклассической экономической теории¹⁰⁶. В реальной жизни, к сожалению, возможно совсем немного изменений, которые никому не принесут вреда; таким образом, критерий Парето фактически становится рецептом сохранения статус-кво и невмешательства. Принятие его придает неоклассической школе очень сильный консервативный уклон.

Революция против свободного рынка: подход несостоятельности рынка

Две теоретические разработки, проведенные в 1920-х и 1930-х годах, разрушили, казалось бы, неразрывную связь между неоклассической экономикой и пропагандой политики свободного рынка. После этих событий стало невозможно ставить знак равенства между неоклассической школой и экономикой свободного рынка, как до сих пор ошибочно поступают некоторые люди.

---

¹⁰⁶ Можно сказать и иначе: общество находится в состоянии оптимальности по Парето, если нельзя улучшить положение одного, не причинив вреда другому.

Наиболее важной из них была разработка экономики благосостояния, или **теории несостоятельности (провала) рынка**, сделанная кембриджским профессором Артуром Пигу в 1920-х. Пигу утверждал, что в некоторых случаях рыночные цены не отражают истинных социальных издержек и выгод. Например, завод загрязняет воздух и воду, потому что те не имеют рыночной цены, следовательно, к ним можно относиться как к бесплатным продуктам. Но в результате такого «перепроизводства» загрязнения окружающая среда будет уничтожена и общество пострадает.

К несчастью, последствия некоторых видов экономической деятельности не имеют цены на рынке и, следовательно, не отражаются в экономических решениях — это явление называется **экстерналия**. В таком случае правительство могло бы оправданно заставить завод меньше вредить окружающей среде, то есть создать **отрицательную экстерналию**, с помощью специальных налогов или нормативных положений (например, штрафов за сброс избыточного количества сточных вод). Однако некоторая деятельность имеет **положительную экстерналию**, например успехи компании в области научных исследований и разработок (НИР). За счет новых знаний, которыми могут пользоваться другие люди, НИР создает большую ценность, чем получаемая компанией, которая ведет эти разработки. В таком случае правительство вправе платить субсидии тем, кто занимается НИР, чтобы стимулировать ее расширение. Впоследствии к экстерна-

лиям Пигу были добавлены другие виды несостоятельности рынка, о чем я расскажу в [главе 11](#)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.